

Ilona Vaškevičiūtė

SEMIGALLIANS IN THE 5th–12th CENTURIES

INTRODUCTION

SUMMARY

We have been researching archaeological sites of Lithuania, the most ancient culture and history of its inhabitants for nearly two hundred years.

We know that prior to formation of the state and the Lithuanian nation Curonians, Scalvians, Selonians, Sudovians, Lithuanians and other tribes inhabited the current territory of Lithuania.

This work is devoted to the research of the Semigallian culture of the 5th–12th centuries. Areas inhabited by Semigallians in the Mūša-Lielupė basin in the 13th–14th centuries was included in two states – the southern part in the Grand Duchy of Lithuania and the northern part in Livonia. This political boundary, which divided the Semigallian lands, persisted for a few centuries and in 1919–1920 was again recognised as the Latvian-Lithuanian border.

Only the southern edge of the lands inhabited by Semigallians remained in Lithuania. Archaeological researches of this part of Lithuania are characterised by few more exhaustively researched burials. The major part of research material dates back to the 5th–12th centuries. It has also determined the boundaries of this work. Thus, the work is based on research data of burials, their findings, because we do

Overview of Investigations

Semigallia and its inhabitants have interested Lithuanian and Latvian linguists, historians and archaeologists since the 14th century. That is why literature on the issue of Semigallians is quite ample. We will have to focus on the most important publications.

not have investigated settlements and mounds in the Semigallian part located in Lithuania.

The available data allow us to discuss the burial practices, ornaments, arms and development of Semigallians in the 5th–12th centuries. We can compare such data with the research data of Curonian, Samogitian, Uplanders and Lettigallian burials. It permits to specify to a certain degree the boundaries of areas inhabited by Semigallians, to discuss their relations with neighbouring tribes. The focus is on clarifications of these issues.

There is also a shortage of archaeological data from the 13th–14th centuries – we have no investigated burials of this period in this territory. That is why it is yet difficult to state how much the southern part of Semigallia in the 13th century suffered from the Livonic Order and armies of Riga Archbishop and other feudal lords. It is not known whether it turned to an absolute wasteland or whether ancient inhabitants remained and also when the colonisation of this territory started. In addition it may be noted that archaeologists have not been successful in finding settlements and burials of Semigallians, who migrated to Lithuania in the end of the 13th century, and which must exist dating back to the 14th–15th centuries.

At the end of the 19th century the German-origin researcher A. Bylenstein following H. Latvis and written sources of the 12th–14th centuries and other written sources indicated approximate boundaries of Semigallia. The author was mostly unclear

about the southern and eastern boundary.

The earliest interest of Lithuania in Semigallia manifested through mapping of its archaeological sites (Покровский, 1899, Elišonas, 1925). The book by P. Tarasenko "Lietuvos archeologijos medžiaga" published in 1928 (Tarasenko, 1928) provides an overview of development of archaeological science in Lithuania as well as cultures, which had existed in its territory.

In 1926 in Riga the book *Latvian Archaeology* is published (Latvijas..., 1926), a section of which is devoted to description of Baltic tribes that once inhabited in Latvian territory. The area inhabited by Semigallians is indicated according to A. Bylenstein. The book also discusses the most characteristic features of Semigallian culture.

The book *Latvian History* (Latviešu..., 1938) was published in Riga in 1938. It contained a map designating Baltic tribes. According to this map in A.D. 1st–4th centuries Semigallians inhabited a greater territory than ever but the southern boundary of the area inhabited by Semigallians, which interests us most, is designated traditionally as the Mūša (Latviešu, 1938, p. 106).

Lands inhabited by Semigallians in A.D. 5th–9th centuries were smaller. The territory inhabited by Semigallians in the 9th–13th centuries decreases even more and at the beginning of the second millennium it comprised nearly the same area as the one indicated by A. Bylenstein.

The first scientific survey of Lithuanian archaeology written by J. Puzinas (Puzinas, 1938) provides systematic material from the entire territory of Lithuania. The author distinguished Semigallia as the Mūša Basin – Akmenė – Šiauliai – Rozalimas – Pumpėnai – Biržai areas (Puzinas, 1938, p. 275).

M. Alseikaitė in her work "Balts priekistoriniais laikais" (*Balts in Prehistoric Times*) (Alseikaitė, 1944) most probably for the first time in literature undertook such a broad explanation of theory for the Balts' origin. The author ascribed Semigallian areas reaching

Tauraganai – Svėdasai in Lithuania. The western boundary of the territory inhabited by Semigallians, i.e. the boundary with Curonians is not indicated at all.

The 1950s were marked with intensified research of sites, accordingly more material for clarification of ethnic history was accumulated. The book about Baltic tribes in Latvia by Estonian archaeologist H. Moora published in 1952 (Moora, 1952) states that as early as in the 2nd century A.D. there existed clearly defined cultural areas, namely the territory between the Venta and the Daugava is ascribed to Semigallians.

"Lietuvos archeologijos bruožai" published in 1961 (LAB, 1961) quite exhaustively discusses Lithuanian pre-history before formation of the state. The book contains rather extensive data about burial grounds of north Lithuania, which were classified separately.

More exhaustive study of Semigallian culture can be found in the book of R. Volkaitė-Kulikauskienė "Lietuviai IX–XII a." (Volkaitė-Kulikauskienė, 1970). The author maintains that Semigallians in the beginning of the second millennium A.D. were moving northwards and their territories in the south were occupied by Uplanders and Samogitians.

A. Tautavičius in his article on cuffed bracelets (Tautavičius, 1970, pp. 197–202) also touched upon the issue of Semigallian localisation. His work contains a distribution map of those bracelets, which also depicts tribal boundaries of Semigallians.

An important step forward in researching ethnic history of Baltic tribes was publishing of atlases of Lithuanian archaeology (LAA, 1974, 1975, 1977, 1978). On the basis of burial grounds the territory inhabited by Semigallians was distinguished, i.e. the basin of the Mūša-Lėvuo rivers. In west it reached the Venta, in south-west Šiauliai district, in south-east it went as far as the northern boundary of Panevėžys district and the eastern boundary still remains unclear as researched archaeo-

logical sites of the 5th–12th centuries from Kupiškis, Rokiškis and Biržai districts are lacking (LAA, 1975, p. 18). The territory of Semigallians is left slightly greater than before.

A. Tautavičius in his articles “Baltic Tribes in the First Millennium A.D. in Lithuanian Territory” (Тавтовиčius, 1980) and “The Samogitian Ethnogenesis” (Tautavičius, 1981) discusses separation of Semigallian tribe from the common stem of Baltic tribes, i.e. from barrows cultural area of north and west Lithuania. He also indicates areas inhabited by this tribe and emphasises affinity of Samogitian and Semigallian cultures.

M. Gimbutienė in her book “Baltai priešistoriniais laikais” published in 1985 (Gimbutienė, 1985) focuses more on the formation process of local tribes. The author ascribes to Semigallians the part of Middle Latvia and Northern Lithuania located in the Mūša basin. However, the author does not discuss the southern boundary of Semigallia in greater detail.

M. Michelbertas in his book “Senasis geležies amžius Lietuvoje” (Michelbertas, 1986) considers the period, which is very important to formation of culture of all tribes. He gives sufficient attention to barrows with stone circles of Northern Lithuania. It is stated that Semigallian culture developed from barrows culture of north-east area in approximately 350–450 A.D. (Michelbertas, M., 1986, p. 240).

The book by V. Sedov *Finno-Ugrians and Balts in the Middle Ages* (Седов, 1987) is devoted to history of all Baltic tribes. The author supports his statements by works of Lithuanian and Latvian archaeologists but distinguishes the Baltic tribes into “Latvian” and “Lithuanian” ones following the state borders settled in historical times. According to the author such tribes as Semigallians and Selonians are Latvian tribes. In this respect he as if goes back to A. Bylenstein’s view, who also stated that Semigallians and Lettigallians spoke Latvian.

It must be yet mentioned that the monog-

raph on arms of the 2nd–8th centuries by V. Kazakevičius published in 1988 (Казакявичюс, 1988) quite exhaustively discusses armament of Semigallians as well.

In the book “Lietuvių etnogenezė” (Lietuvių etnogenezė, 1987) specialists of several fields attempt to analyse the process of developing Lithuanian nationality. The great part of this work is dedicated to differentiated Baltic tribes, including Semigallians.

Latvian archaeologist M. Atgāzis is the one, who among other Latvian archaeologists in the last decades has dedicated most of his time to Semigallian burial grounds. His major article on this issue was published in the collection of articles dedicated to ethnic history (Атгазис, 1980, pp. 89–101). The author maintains that Semigallians originated from barrows with stone circles culture of north Lithuania and south Latvia. He also indicates that this area in the north reached as far as the Lielstraupē and in the west as far as the Zantē and Ežerē, yet its boundaries with Lettigallia are not clear. The author accepts the southern boundary of Semigallian tribe as the one distinguished by A. Tautavičius.

The author of this work wrote an article dedicated to analysis of Semigallian and Curonian relations (Vaškevičiūtė, 1989, pp. 55–67), which on the grounds of materials of Pavirvytė burial ground attempts to discuss Semigallian and Curonian relations.

In addition to the above mentioned major works, which examine issues of Semigallian culture and ethnic history, there are quite a lot other works and articles that cover this territory and its inhabitants in one or the other aspect. These are primarily the articles publishing the material of excavated archaeological sites or the works dedicated to certain finds or their groups.

In 1943 R. Volkaitė-Kulikauskienė published an article on neck-rings found in Stačiūnai burial ground (Volkaitė-Kulikauskienė, 1943, pp. 80–95) and in 1951 the same author published an article on results of ex-

cavation in Linksmučiai cemetery in 1948 (Volkaitė-Kulikauskienė, 1951, pp. 279–314). O. Navickaitė, who researched the remnants of ruined Diržiai burial ground, published an article on this site (Navickaitė, 1959, pp. 151–158) and later in her work “Plokštinių kapinynų tyrinėjimai Lietuvoje 1948–1958” (*Research of Flat Burial Grounds in Lithuania in 1948–1958*) (Navickaitė, 1961, pp. 66–100) has devoted a significant attention to investigation of Diržiai, Degėšiai, Linksmučiai and Papilė burial grounds. Various authors in the work *Trading Relations of Lithuanian Inhabitants in the 2nd–12th Centuries* (Lietuvos gyventojų..., 1972) enumerate imported articles, silver alloys found in Semigallia. The Semigallian material was also often employed in the book *Material Culture of Lithuanians in the 9th–12th Centuries* (Lietuvių..., 1978; 1981) in clarifying various issues related to this theme.

Even two books are dedicated to silver decorations (Tautavičienė, 1981; Vaitkunsienė, 1981), which mention quite a great number of finds from Semigallia. The author of this work has written about head adornments, pins worn by southern Semigallian women, brooches worn by men, beginning of animal ornament and casting mould, which were used (Vaškevičiūtė, 1978, pp. 24–30, 1980, pp. 101–104, 1982, pp. 56–61, 1982a, pp. 93–95, 1984, pp. 112–114). A series of articles was also published dedicated to investigation of Jauneikiai burial ground (Vaškevičiūtė, 1985; 1986; 1987; 1987a, 1987b).

The 1980s and 1990s were marked with quite a great number of works in one or the other aspect related to Semigallia. I. Vaškevičiūtė has also published an article on spiral headbands of the 4th–11th centuries, in which a significant attention is devoted to spiral headbands found in southern Semigallia (Vaškevičiūtė, 1992, pp. 128–134). An article by I. Vaškevičiūtė “Burial Practices in One of the Baltic Tribes – Semigallians” (Vaš-

kevičiūtė, 1992, pp. 128–134) is dedicated to discussion of Semigallian burial customs. One more article by I. Vaškevičiūtė discussing boundaries of Semigallia was published in the magazine *Žiemgala (Semigallia)* (Vaškevičiūtė, 1999a, pp. 2–7). The research material from two Semigallian burial grounds, namely Šukioniai ir Stungiai, has also been published (Vaškevičiūtė, 2001a, pp. 159–224; Vaškevičiūtė, 2001b, pp. 225–262).

A. Tautavičius in his book dedicated to the Middle Iron Age (Tautavičius, 1996) gives a significant attention to Semigallia. The author dwells upon the formation process of Semigallia ethnic area, surveys the most important burial sites of that period, features of burial and burial items. It is noted that the culture of that area was not entirely homogeneous. In the southern part of the range it was closer to Samogitian culture, whereas in the eastern part a greater influence of Selonian and Lettigalian culture can be sensed. The area in question comprises the basin of the Mūša in the west and reaches the Venta in the south-west, in north it reaches the Lielupė basin as far as the Daugava. Writing about burial items the author indicates their chronology and distribution boundaries. Work tools, arms and decorations that are most typical to Semigallians are also indicated.

The article by V. Kazakevičius “The Helmet of Pavirvytė-Gudai Burial Ground” (Казакявичюс, 1998, pp. 129–135) dedicated to the helmet found in the burnt grave No. 65 of Pavirvytė burial ground. The other article by the same author is on the bind of sword scabbard found in the grave No. 5 of Linkuva burial ground, which in the opinion of the author was made by local craftsmen, but according to the Scandinavian example (Kazakevičius, 2000, pp. 19–24).

Writing about drinking horns A. Simniškytė (Simniškytė, 1998, pp. 185–245) makes mention of the ones found in Semigallia, namely in Jauneikiai, Linkaičiai, Linksmučiai, Pavirvytė, Stungiai and Šukioniai. E. Vasi-

liauskas has written an article on trading roads and centres of Semigallia (Vasiliauskas, 1999, pp. 79–99). The article by R. Jarockis "Semigallia 1100–1400. A review of Archaeological and Historical Sources" (Jarockis, 1998, pp. 45–53) is dedicated to survey of Semigallian history of the 12th–13th centuries period.

Investigations of Archaeological Sites

Investigation in Lithuania

Investigation works of greater scale were not started throughout the 19th century. Only in the 1930s Šiauliai Regional Studies Society performed modest scale research of several burial grounds, which was headed by B. Tarvydas. In 1939 the museum of Vytautas Magnus University investigated Meldiniai burial ground (headed by P. Baleliūnas). In 1943 P. Kulikauskas continued the research works. In 1948 P. Kulikauskas commenced research of Linksmučiai burial ground, which in 1949 was continued by R. Volkaitė-Kulikauskienė. In 1949 P. Kulikauskas investigated Degėšiai burial ground. Ē. Striškienė researched this burial ground in 1999.

In 1955 Šiauliai "Aušra" museum (head of the museum J. Naudužas) investigated rather disturbed Papilė and Valdamai burial grounds. The remains of the same site were investigated by A. Tautavičius in 1968 and in 1989 by Šiauliai "Aušra" museum (B. Satalkienė headed the works).

In 1956 Šiauliai "Aušra" museum attempted to excavate Žvelgaitis hill. In 1996 R. Jarockis made a few bores in the platform of Žvelgaitis hill-fort, there were some attempts to investigate Raktuvė Mound and its foot.

In 1957 O. Navickaitė and V. Urbanavičius investigated Diržiai burial ground and Ē. Striškienė continued investigation of this burial ground in 1996–1999.

In 1973 B. Tautavičienė investigated Pamiškiai burial ground. In 1974 E. Butėnienė continued investigation of Meldiniai burial

The overview of historiography provided above shows that research of Semigallian culture and history receives quite a significant attention both in Lithuania and Latvia, in the territory of which there remained the greater part of areas inhabited by Semigallians and the majority of their archaeological sites.

ground, initiated by P. Baleliūnas in 1939.

In 1975–1976 A. Tautavičius and B. Tautavičienė investigated Jauneikiai burial ground. Due to its geographical position, scale of research and richness of collected material this site has become one of the most important sources for investigation of culture of southern Semigallia inhabitants.

In 1977 A. Cholodinskienė initiated investigation of Pavirvytė-Gudai burial ground. Investigation of this site was continued in 1978–1979 and I. Vaškevičiūtė investigated this burial ground in 1983–1984.

In 1985 B. Dakanis and in 1986 I. Vaškevičiūtė investigated Stungiai (Joniškis district) burial ground. In 1988 V. Šimėnas started investigation of Šukioniai (Pakruojis district) burial ground. It was continued by I. Vaškevičiūtė in 1989 and 1990.

During the last decade archaeological material on Semigallia was enriched by a few other smaller scale investigations.

Investigations in Latvia

Investigation of Semigallian sites located in Latvia has been started earlier than in Lithuania. Thus, in 1886 K. Boy, T. Kaizerling and E. Schmidt started excavating a burial ground at Vecsaules Čepanai. In 1892 it was further investigated by F. Braun. K. Boy investigated Ciernalde burial ground. Investigation of Katlakalns-Plavniekkalns burial ground of the 5th–7th centuries has played a significant role. Prior to this investigation the presumption was that most probably German colonies had been located in Semigallia. Investi-

gations of the above mentioned burial ground denied that. R. Hausman investigated Tervetė hill-fort (together with A. Bylenstein).

After the First World War upon establishment of the Republic of Latvia a group of Latvian archaeologists worked in the sphere of archaeology, namely F. Balodis, A. Karnups, R. Šnore, H. Riekstiņš, E. Šturms and others.

Close attention was directed to investigation of hill-forts. In this period the most famous centres of Semigallia were excavated, i.e. Daugmalē and Mežotnē. During the war years investigation of archaeological sites was disrupted and results of research remained almost unpublished.

The post-war period in relation with growth of economic activities was marked by intensified investigation of sites as far as their scale is concerned. In the territory of Semigallians there worked archaeologists V. Urtans, E. Brivkalnē, A. Stubavs, J. Daiga, M. Atgazis and other.

The detail registration of archaeological sites has been made, as a result of which it appeared that there were 25 hill-forts and about 50 burial grounds in the Latvian part of Semigallia. Yet the majority of the sites have not been investigated.

Soon after the war investigation of the most famous hill-forts was undertaken or earlier investigations continued. E. Brivkalnē researched Tervetė hill-fort, later investigation of this hill-fort was continued by F. Zagorskis. J. Daiga excavated Dobelē hill-fort (1952, 1956, 1959, 1977) and the settlement as well as Kamardē hill-fort. V. Urtans researched Daugmalē hill-fort in 1966–1970 and M. Atgazis excavated Mežotnēs hill-fort in 1969.

The investigated hill-forts of Semigallia have not rendered separate monographs or more exhaustive publications.

Burial grounds have also been intensively investigated. In 1959 J. Graudonis researched Agrarieši burial ground. In 1964 I. Cimermanē investigated Kaijukrogs burial ground and M. Atgazis Doles Lejaskivuti bu-

rial ground, in 1970 Mežotnes Centrs burial ground and Kuri burial ground in 1976. In 1976 J. Graudonis investigated Ciernalde burial ground. Within the same year A. Caunē researched Silini burial ground. M. Atgazis excavated Anšikini burial ground of Tervetė. J. Graudonis investigated Kakužēni (Miklas kalna) burial ground in 1977–1979 and M. Atgazis researched Balas-Škerstaini burial ground in 1979 and 1981. In 1982 investigation of Dobelē burial ground was completed. For even 17 seasons M. Atgazis and V. Bebre have been investigating Drengeri-Čunkani burial ground. So far it is the most extensively investigated burial ground in the whole Semigallia.

In 1984–1985 J. Asaris researched Priediši burial ground. A. Vilka investigated Rūsiši-Debeši burial ground in 1991. In 1992–1994 J. Urtans researched Gaideli-Viduči burial ground.

Summarising what has been said and comparing investigation data with researched Semigallian sites located in Lithuanian territory, we can see that mounds and settlements in Latvia are much more explored than in Lithuania. Even 5 major hill-forts have been investigated in Latvia, whereas in Lithuania not one. Burial grounds in the whole territory of Semigallia are known almost to the same extent. Their material indicates that in Latvia the period of the 5th–8th centuries is better explored as much more graves of this period have been investigated. In Lithuania, however, there are more investigated graves of the 9th–11th centuries. As it can be seen data of archaeological investigation of Semigallia have not been summarised in monographs. Only short pieces of information have been published about many of the investigated burial grounds. The Latvian archaeologists' works devoted to Semigallians barely dwell upon relations between Semigallian and Curonian culture and those between cultures of Semigallian and *Lybiai* tribes. Material from burial grounds of the 14th–17th centuries, which had been investiga-

ted extensively, remains unpublished, though it could supplement documented facts of written sources about devastation of Semi-

Semigallians Before the 5th A.D.

Geographical Survey

Areas inhabited by Semigallians comprise the northern part of the lowland of Midland Lithuania, i.e. the basin of the Mūša and the Lėvuo rivers and the hilly lowland of Midland Latvia. In the glacial period this territory was covered by solid glacier covering. The glacier here was thawing evenly and slowly, which resulted in formation of the plain. Only on the very edge of the glacier a hill of final moraine type of around 100 kilometres length was formed, which was rising above the plain in about 20–30 metres.

The above mentioned region is characterised by especially rich soil, but due to low permeability a damaging influence of moisture is felt. The climate is favourable to agriculture. The gradually thawing glacier did not condition formation of deep rapid rivers and lakes with high water levels. Yet in this territory there are plenty of smaller rivulets slowly flowing across the plains, which form the Lielupē River basin.

Stone Age

Traces of people in the Eastern Baltic area are found only from the 10th c. B.C. So far there has not been located any finds or settlements of palaeolithic era in the northern part of Lithuania and the southern part of Latvia. Though it is quite possible that small groups of hunters or collectors of artefacts would wander in this territory as well. In the mesolithic era Kunda culture spread here. We have only individual bone and horn articles from this area dating back to the mesolithic era (Fig. 3:4,5).

The western variant of Narva culture was common in the apparent territory in neolithic era, but so far there are no known traces

gallia in the 13th century and its inhabitants' joining the Latvian nation that was undergoing formation process.

of settlements of this period from the territory we are interested in. Stone axes remain the most significant witnesses of population. Boat-shape battle axes have also been found, which date back to the Late Stone Age and the first half of the Bronze Age (Fig. 4).

The Bronze Age and Early Iron Age

Semigallia is poor in sites and finds of the Bronze Age as well. Neither settlements, nor burial sites of this period have been found. Individual finds are also scarce. The greater part of them consists of axes, namely flanged of Eastern Baltics type, socketed. A treasure has been found, which contained a bronze axe with a head of Halichen type, a socketed axe of Mälar type and a miniature dagger (Fig. 3:1–3).

At this period two Baltic cultures existed in the territories of Lithuania and Latvia – on the westernmost edge the Barrows Culture and in the eastern part of the territory in question the Culture of Brushed Pottery. In the would-be southern part of Semigallia neither barrows of Western Balts, nor monuments characteristic to Culture of Brushed Pottery of Eastern Lithuania have been found. Actually a few individual fragments of brushed pottery have been found. J. Šliavas has found a cup of brushed pottery near Žeimeilis (Fig. 6) and A. Vaskas in the central part of Latvia have found even 12 sites of brushed pottery.

Little is known of monuments or single articles dated to the Early Iron Age. Sites dated back to this period have not been found in the Northern Lithuania. Thus, the Early Iron Age in the Northern Lithuania remains absolutely undisclosed. In Latvian territory in some of the mounds dated back to that period Brushed Pottery form about 96.6 per-

cent of all ceramics. The only thing obvious is that this territory most probably had to belong to the western edge of Culture of Brushed Pottery.

The Roman Iron Age (1st–4th A.D.)

In the Northern Lithuania and Southern Latvia in the Roman Iron Age the deceased used to be buried in barrows with stone circles. Nowadays we know that there were around 30 barrows in Semigallia and burials took place there not later than from the 1st century A.D. In Latvia (would-be territory of Semigallia) such barrows are counted up to 12. The barrows are of 8–18 metres in dia-

metre, 0.75–1.10 metres in height, surrounded by a stone circle and unburned dead used to be buried in them (Fig. 7,8). From 2 to 28 graves are found in them, but mostly 4–8 individuals are buried. The dead were buried supine with arms folded over the breast, legs outstretched and heads mostly oriented to the west. It is quite possible that they were buried in coffins, with spears, knives, socketed axes and ornaments (Fig. 9).

Barrows cultural area is actually attributed to Samogitian and Semigallian tribes, which in the opinion of archaeologists began diverging only in about 350, 450 A.D.

Semigallian Culture of the 5th–12th Centuries

Formation of Semigallians

Archaeologists have determined that in the territory of barrows with stone circles that existed in the 5th–6th centuries three tribes have split – namely Samogitians, who inhabited in the western part of the area, to the north from them – Semigallians and to northwest of Semigallians – Lettigallians. Semigallians, located as if in between the other two, have become a kind of bridge between Samogitians and Lettigallians, some of its cultural traits were closer to Samogitians, others to Lettigallians. At the period when barrows with stone circles were completely replaced by flat burial grounds archaeologists document Semigallians.

Data of investigation of ample and rich burial grounds serve as the main source for reconstruction of Semigallian culture.

Burial Practices

It is known that spiritual culture and life style of all Baltic tribes was the same, whereas the material culture in each of the Baltic tribes was somewhat different.

In Semigallian settlements the life style and customs were identical both in northern and southern parts. It will not serve our purpose to search differences between them, because it was a homogeneous tribe only arti-

ficially divided into two parts in the last stage of its development.

Semigallians buried their dead unburned in flat burial grounds. A hillock near a rivulet would be chosen for a burial ground. Usually burials were taking place in the same site for several ages. Investigating burial grounds that are less disrupted it is observed that the dead used to be buried as if in rows. One grave from the other is separated by a space of 30–50 centimetres wide. In Semigallia as in other Baltic tribes one burial ground was used for a long period of time. Burials started in the 5th century (though in some burial grounds that are less disrupted the remains of even older barrows with stone circles are found) and continued until the 12th–13th centuries. Graves from the 16th–17th centuries are also quite often found in the burial grounds. The dead used to be buried in succession, i.e. men, women and children were buried side by side. There was no tradition to bury the richer members of the community in a special section of the burial ground. (Fig. 10).

The dead were buried 30–90 cm deep, mostly adults were buried in grave of 40–50 cm deep and children in grave of 25–40 cm deep.

The grave pits for the dead were oblong in form, the size was 140x50 – 280x70 cm. It might be observed that in the 5th–7th centuries coffins were not in use, the dead were wrapped in sheets. In the 8th–12th centuries at least a part of the dead were buried in coffins (Fig. 11).

One of the most typical features of Semigallian burial practices is the opposite orientation of males and females.

Males in the 5th–7th centuries were mostly buried with their heads oriented to the S-SW, SE, whereas the females were buried with their heads oriented to the opposite side, i.e. to the N, NE, NW (Fig. 12). The 7th–8th centuries were marked with changes with respect to the orientation of the dead: if males in the 5th–7th centuries were buried with their heads oriented to the S, in the 8th–12th centuries they were buried with their heads oriented to the N. Women were buried positioned in the opposite orientation. Neither the closest neighbours Curonians, nor Samogitians changed the orientation of inhumations of their dead. Most probably there was no one firmly established orientation for burials in the whole territory of Semigallia, but it is clear that there was a custom to bury the dead of different sexes in opposite orientation. During the whole period the dead were buried unburned, supine, their legs outstretched and with arms folded over the breast (Fig. 13). Double graves have also been found: one grave pit contained two skeletons of the dead. A small number of double graves would indicate that it was not a typical feature of inhumation. The Baltic tribes tried to bury the dead in the whole first millennium and the first half of the second millennium A.D. with plentiful burial items from metal. They believed in afterlife, in which a person would need the same things s/he used in life.

Following the common customs all things in grave had their places.

Burial Items

Working Tools

This group of finds-burial items is perhaps the least numerous in comparison to arms or ornaments. Working tools in burial grounds make up only 6–20 % of all finds. It may be added that Semigallians in this respect were not different from other tribes. Most probably only the essential tools were placed in graves.

Axes

Axes of two types were used in the territory of Semigallians: axes with blunt ends and socketed axes.

Socketed axes are without the head and their handle is hafted into a round socket, the blade is short and the handle is in the shape of a hook. Axes dating back to the 5th–7th centuries are larger and heavier than those from the 8th–10th centuries. They were common in the whole Eastern Baltic area and were used during the whole first millennium and in Semigallia till the beginning of the second millennium.

Blunt-ended axes are found both in Latvia and in Lithuania. Researchers consider them to be Baltic. They appeared together with socketed axes and were also used during the whole Iron Age. In Semigallia axes of this form are most often found only in its eastern part.

Blunt-ended axes are divided into axes with a narrow blade and axes with a broad blade. Axes with a narrow blade were used only for work and are more common in this territory. Apart from the above mentioned areas of Lithuania and Latvia, such axes are also found in Byelorussian sites of the 2nd–10th centuries (Fig. 22).

Axes with a broad blade are much rarer in Semigallia (Fig. 23). It is supposed that axes with a broad blade were used not only for work, but for battle as well.

Knives

This group of working tools is the most numerous not only in Semigallia. All knives that were found have tangs hafted in woo-

den handles. Knives were of two forms: those with a straight back mostly found in male graves and knives with bent points, which are burial items characteristic only of Semigallian women, found exclusively in female graves.

Knives with a straight back in Semigallia were placed with a dead person without a sheath, as the remains of the latter have not been found in any of the investigated burial grounds.

Ice-picks

It is a tool that was used for breaking ice. They are socketed and remind of socketed axes in their shape. It is a rare burial item. This tool almost unchanged was used throughout the Iron Age (Fig. 24). They are known not only in Semigallian, but also in Samogitian, Selonian and Lettigallian lands.

Female working tools are also not very numerous. These are already mentioned knives with bent points, hoes, awls, spindles and needles. The most abundant from these are knives with bent points. Knives of this type are of two forms – some of them are narrow, the other somewhat broader. Knives of this type are less distributed in areas inhabited by Selonians and eastern part of Semigallia, but as it was mentioned they were mostly common among Semigallians, where such knives are plentiful. They date back to the 6th–12th century, but they are more often found in graves from the 8th century (Fig. 25).

Another working tool typical of a Semigallian woman is a *hoe*. All hoes are with a blunt end, slightly broadened blade and a wooden handle (Fig. 26). Apart from Semigallia they have been uncovered only in central and eastern parts of Lithuania, where this custom most probably has penetrated from Semigallia. In Latvia hoes are known only from Semigallia. Graves with this burial item date back to the 5th–10th centuries.

One of the most common female tools in graves is *awls*. The awls are hafted with square hafts, have sharp points and wooden handles (Fig. 27).

Though without doubt women of all tribes have been spinning and weaving from the ancient times, yet Semigallian women were rarely buried with *spindles*. The uncovered spindles are of stone and slate. This tool is found in all territories of the Balts throughout the Iron Age period (Fig. 28:1–3).

Needles are universal tools, but they are comparatively rarely found in graves. Most probably in this period it was not customary to bury women with needles. A very peculiar find is *stone casting moulds*, uncovered in Pavirvytė and Šukioniai burial grounds, in female graves No. 135 (three) and No. 119. Their function was to cast little ornaments from tin.

Weapons

A part of Baltic tribes had a custom in the 1st–13th centuries to bury men with weapons. Particularly great numbers of weapons are found in Semigallian burial grounds of the 5th–12th centuries. It is one of the traits characteristic of Semigallian burial practices.

Broad battle knives swords were arms exclusively used by Baltic tribes and especially favoured by Semigallians. Their points are slantwise splayed and backs straight (Fig. 31). Weapons of such type appeared in the 6th century already and were used until the 11th–12th centuries. They were common in Semigallian, Samogitian and Lettigallian lands.

Narrow long battle knives are rarer

According to the end of the handle knives are classified into two groups: those with a ring on the haft and those without it. Knives with a ring on the haft (Fig. 32) are rare. The graves date back to the 5th–7th centuries. Apart from Semigallians they were used by central Lithuanian tribes.

Narrow long knives without a handle bind are distributed in a larger territory. They are found dated back to the 6th–7th centuries until the 11th century. These knives are a prototype of single-edged swords. They are most abundant in Samogitia, Scalvian lands and Prussian tribes. They are a rather rare find in

Lettigallia whereas in Semigallia they are more common. The graves date back to the 6th–7th centuries and to the 10th century.

Battle knives were also of a different form – these were the knives with a straight back and a blade sharpening from the edge. Most authors attribute these bulky knives to battle knives. Such knives are rather scarce in Semigallian graves. They were used in graves of the 6th–7th centuries and the 11th century.

Swords – we have only individual specimens of them (both single-edged and double-edged). Swords are very rarely placed in graves. The earliest swords are single-edged and without horizontal bars of the handle (Fig. 33). Thus, swords are not characteristic to Semigallian graves, as here they are completely replaced by broad battle knives-swords.

Spearheads

These are one of the most typical burial items for Semigallian males. Actually nearly all men were buried with a spear and quite often with a few of them. All Semigallian spearheads whether they are socketed or hafted have one exceptional feature – they do not have distinct transition from the blade to a socket or a haft and there is not a sharp edge in the middle of the blade, i.e. the blade is flat.

Socketed spearheads make the absolute majority of all uncovered spearheads.

The most ample are spearheads with a *willow-leaf-shaped* blade. Such spearheads are common from the Baltic shores to the Baltic sites in the upper reaches of the Dnepr. And they are most abundant in lands once inhabited by Lithuanian and Latvian ancestors from the 7th to the 12th century (Fig. 34).

Spearheads with *lanceolate-shaped* blades are somewhat smaller than those with willow-leaf-shaped blades, but their blades are broader. Spearheads of this form are distributed in the whole area of the Baltic tribes, except the easternmost corner, i.e. lands

inhabited by the Dnepr Balts. These spearheads are also very common in Semigallia. Apart from Semigallians they were used by Samogitians, Curonians, Lettigallians, but with the neighbours these spearheads are known only from graves of the 7th–8th centuries, whereas Semigallians used them at least until the 11th century (Fig. 35). In fact the later spearheads differ from the classic early spearheads. Their blades are somewhat narrower and sockets are deeper.

Spearheads with *rhomboid* blade in comparison to the first ones are rarer. We find only two versions of spearheads of this type in Semigallia, namely 1) spearheads with long blades and a short socket and 2) spearheads with a long socket and a short blade. Spearheads of the first subgroup are found in graves of the 6th–7th centuries. Pursuant to the classification established by V. Kazakevičius they are attributed to the 1st subtype of socketed spearheads with a rhomboid blade. Spearheads of the second subgroup are more common. Such spearheads date back to the 6th–9th centuries. They are attributed to the 3rd subtype of socketed spearheads with a rhomboid blade. They are more common in the North and West Lithuania and in Latvia. (Fig. 36).

Spearheads with a *profiled blade* are common almost in the whole Baltic area but forms of profiled spearheads differ. Spearheads of this type are attributed to the 5th subtype of profiled spearheads and date back to the 6th century. In Latvia they are found in graves dating back to the 5th–6th centuries. In southern Semigallia they have been uncovered in graves of the 6th–7th centuries. (Fig. 37).

Spearheads with a *long narrow blade* are not common. They have been uncovered in graves dating back to the 10th century. Burial grounds of the West Lithuania are richer in these spearheads, where they are found in graves of the 10th–11th centuries. In Latvian territory spearheads of this form appeared later, they date back to the 11th–12th centuries. In Scandinavia as in Latvia they are

considered to be typical of the 11th–12th centuries.

Sash-like spearheads are characteristic to the whole Western Europe and they are particularly common in Scandinavia. In Semigallia they are found rarely and date back to the 10th–11th centuries. They are more common in Prussia, western and eastern parts of Lithuania. A part of spearheads have ornamented sockets. The ornamented spearheads are imported, as they were brought from Scandinavian countries and date back to the 9th–11th centuries (Fig. 38).

As it has been already mentioned *hafted spearheads* in Semigallia were used much more rarely than socketed ones. The hafted spearheads make up only around 6–8% of all uncovered spearheads. They are all the same, either with willow-leaf-shaped blades or lanceolate-shaped blades (Fig. 39). The earliest date back to the 6th–7th centuries and the latest date back to the 10th–11th centuries. Hafted spearheads are more common in Lettigallian graves of the 7th–9th centuries.

Ornaments

Semigallians liked wearing ornaments. That is why we find a lot of ornaments in their graves. They wore jewellery, in making of which more complicated technologies were used, for instance, brass parts of decorations were covered by silver and tin plates, the latter being ornamented with glass beads, etc. Apart from usual articles, found in abundance, Semigallians wore rare ones, distinguished in their form and décor. Masterpieces of decorations have also been found, these are unique specimens, others like them do not exist not only in Semigallia, but in other lands of Balts as well. Some pieces of jewellery have been uncovered only a few or a few dozen, dispersed in the whole territory of the Balts. It is interesting to note that all uncovered decorations are made by local jewellers, some of them might have been made according to imported models, but

applying local Baltic style and ornament.

Semigallians did not have their distinctive style. Here the same ornament as in other Baltic tribes is characteristic. Geometric pattern is prevailing. In the 5th–6th centuries under the influence of migration of nations a zoomorphic motive appears. As it is characteristic of this period animals were depicted very realistically. Firstly, the image of water birds was used, for example, little ducks or geese decorate crossbow brooches, flat surfaces of pendants, edges of drinking horns. Apparently water birds were chosen not by accident. Three-dimensional concept of the universe corresponds to the way of life of water birds (they walk on the ground, swim in the water and fly in the air). Apart from water birds, depiction of reptiles started, namely of snakes and grass snakes. Zoomorphic ornament in other tribes was widely used for decoration of penannular brooches and bracelets. In Semigallia brooches and bracelets of this type are rare. Individual articles were decorated in *borre* and *jelling* styles, which came from Scandinavia.

Headress

Semigallian women liked wearing headbands. A headband is a metal wreath surrounding the head in the forehead area, which reminds of a little crown. In Semigallia, where headbands are relatively ample, they were worn by richer and thus, descending from nobler families, girls.

Available material allows a statement that in Semigallia headbands of three types were worn. Apart from headbands spiral garlands and bands decorated with bronze bits were worn.

Headbands of the first type were made of 2–3 rows of spirals and narrow plates separating them. Semigallian women wore headbands of 2–5 parallel rows. Apart from Semigallian women they were worn by Samogitian, Selonian and Lettigallian women from the 5th to the 11th century.

A part of headbands had cross-section pla-

tes of T form rather than square. In Semigallia headbands of this type are just single finds. Such headbands were more common in Samogitia. They were worn in the 5th–7th centuries.

Headbands of the second type were made of 9 or 10 square bronze plates. The plates contain 3 cast-in transversal holes to pull through a thread. Mostly only 3 rows of small spirals were joined: one above and the other below. Such headbands are 5.5–6.2 cm wide and are heavy (Fig. 40). It must be noted that quite often in a grave next to a headband consisting of 9 such plates, one more (the tenth one) plate of the headband is placed. It is possible that this “additional” plate could mean that the headband was made for a younger girl with the purpose to enlarge the headband in the future.

Distribution of headbands made of square plates indicates that they were more common in Semigallia and neighboring Samogitia. Such headbands have been uncovered in graves of the 6th–7th centuries and only in rare cases they were worn in the beginning of the 8th century.

In the 9th–11th centuries women wore headbands made from several parallel rows of spirals, the groups of which are separated and rows joined by thin tins. They are made in such a way that embrace all rows of spirals and do not allow them to separate. Curved terminals of the plates meet in the inner side of the headband. Such headbands are not ample and widely distributed. They have been uncovered in Lettigallian graves of the 10th–12th centuries.

Apart from the headbands that have already been discussed, in the Semigallian territory garlands made of one long bronze spiral are found. They were common among Lettigallians as well. In the territory of Lithuania not only Semigallian but also Samogitian women liked wearing similar garlands. Some garlands end in the crown area with 6 pending bronze chains with bells in the terminals (Fig. 44).

Apart from headbands, women's head-dress was decorated by other metal jewelry: a bronze chain, cap or a head string.

Neck ornaments

This group of ornaments includes *neck-rings* and *necklaces*.

Semigallians liked *neck-rings* and wore them of different forms. However, only a small portion of the dead were buried with neck-rings. They were worn throughout the whole period, i.e. from the very 5th to 12th century. Yet within this period they were worn unevenly: neck-rings are rather rare in graves of the 6th–7th centuries and quite common in graves of the 8th–12th centuries. Besides, in the 6th–7th centuries more inhumations were with just one neck-ring, whereas from the 9th–12th centuries we find graves with 2–3 or even 4 neck-rings.

Neck-rings with a loop-and-hook clasp are abundant. They are uncovered in all Semigallian burial grounds without an exception (Fig. 46). They were worn by Semigallians, Samogitians, Curonians, Scalvians, Uplanders and Lettigallians. They were particularly popular in the 9th–10th centuries, although they came into wear already in the end of the 5th century and the 6th century and single articles were worn even in the 11th century. We may claim that it is a type of neck-rings that was characteristic to Semigallians and most probably traveled to other tribes from this region.

Neck-rings with overlapping thickening terminals. This type of neck-rings is typical of the West and North Lithuania and in Latvia is found exclusively in the territory inhabited by Semigallians. They came into use as early as the 5th–6th centuries and were worn until the 12th century, but they were most popular in the 8th–9th centuries. (Fig. 47).

Clasped neck-rings though rarely, but were worn in Semigallia. Neck-rings of this type date back to the 6th–7th centuries. They are more abundant in Latvian territory, but

even there they are common only in Semigallian and Lettigallian lands (Fig. 48:3).

Saddle-shaped neck-rings also belong to a type of neck-rings popular among Semigallians. They were worn in the 7th–11th centuries. Apart from Semigallians, they were popular with Selonians, Uplanders, in rarer cases Samogitians and Curonians. They are numerous in Lettigallia, a few specimens are found in Estonia (Fig. 49).

Neck-rings with overlapping square terminals were also among popular jewelry of Semigallians. They came into wear from the 8th century and were particularly popular in the 10th–11th centuries. Neck-rings of this type are also characteristic to Lettigallians and they are rarely found outside the territory of the Eastern Baltics: they have been uncovered in Northeast Byelorussia (Fig. 50).

Neck-rings with crutch-shaped terminals were worn in the 9th–11th centuries and they are found in lands inhabited by Semigallians and Selonians, yet they were not as popular with Lithuanians, Samogitians, Curonians and Lettigallians. They are uncovered further to the east from the upper reaches of the Dnepr area (Fig. 48:1, 2).

Plaited neck-rings with tapering terminals are rarely found in Semigallian territory, they are more common in the Eastern Lithuania and Lettigallia. They were worn in the 8th–11th centuries.

Plaited neck-rings with loop-shaped terminals were rarely worn (Fig. 52:1). They were worn in the 10th–12th centuries and particularly favoured by Curonians.

Composite neck-rings were also worn, when 3–4 neck-rings with smaller crutch-shaped terminals are joined. At the ends of bows and in the middle they are interconnected by narrow plates (Fig. 52:2, 3). Such neck-rings are but few. All of them have been uncovered in female graves of the 10th–11th centuries.

Strings of Necklaces

It was not customary to wear strings of necklaces in Semigallia, so few necklaces ha-

ve been uncovered. Only in rare cases in graves of men, women and children 1–2 beads have been found, which were worn as amulets. The majority of beads are of amber, whereas glass or clay beads are fewer.

Pectoral Ornaments

Pectoral ornaments, namely brooches and pins, form a large group of ornaments. Here brooches were worn only by men and pins by women. Only in very rare cases clothes of a male would be pinned by a pair of pins and clothes of a female by a brooch.

The custom for men to wear brooches and for women to wear pins is to be attributed to one of the features of the ancient Semigallian culture, but it is common with Samogitians and Curonians. Only their position in graves is often different.

Semigallians wore *brooches* of various forms. Thus, we shall discuss them in such groups beginning with crossbow, then pennannular and plate (round and cruciform).

Crossbow brooches became common in the Eastern Baltic area in the end of the 3rd century and in the 4th century and were used at least until the 11th century. They were of various kinds, divided into subgroups, mostly taking into account the form of their foot. In the 5th–9th centuries they were most characteristic piece of jewelry for men.

In Semigallian burial grounds the earliest brooches are crossbow brooches with a bowed foot. The brooches are not large, mostly without ornaments (Fig. 54:1–3). Such brooches were worn in the Middle and Eastern Europe.

Crossbow long-pinned brooches are mostly found in graves of the 5th–6th centuries (Fig. 54:4, 5). Baltic tribes that inhabited territory of Lithuania, Latvia and Eastern Prussia were wearing such brooches. They are widely distributed in the Western Europe and through that territory they reached eastern shores of the Baltic Sea.

Crossbow owl-shaped brooches are much more decorative and are found though rare-

ly in Semigallian lands (Fig. 65). They date back to the 7th–9th centuries.

Crossbow animalistic brooches with animal elements are also quite rare in this territory. In Jauneikiai 3 brooches were found and all of them were different. The brooch of the grave No. 381 is rather small, the terminal of its pin is tapering and ends in something like a stylized animal head with two protuberances - ears and it dates back to the 6th–7th centuries (Fig. 55:4).

A brooch from the grave No. 390 has even 2 animal heads. Although its length is 14.5 cm it looks light and graceful with a long pin shaped as the head of a duck with slightly flattened beak and the terminal of the brooch axis above the spiral ends with the head of a grass snake. Both heads are not very realistic. The brooch date back to the 6th century (Fig. 55:5).

A brooch uncovered from the grave No. 466 has large "poppy-seed"-shaped nubs. The bow in the middle has a sharp straight edge, the foot is notched and ends in a head of an animal, most probably that of a grass snake. The grave dates back to the 7th century (Fig. 55:3).

Until now crossbow brooches with animal elements in Lithuanian territory have been found almost exclusively in coastal areas and date back mostly to the 8th–9th centuries. Crossbow brooches with animal elements uncovered from this burial ground are one of the earliest brooches of this type in the territory of Lithuania, their "animal heads" are more realistic than those of later brooches used by inhabitants of coastal areas. Brooches of this type are also scarce in Latvian part of Semigallia.

Crossbow arch-like brooches were also worn by Semigallians (Fig. 55:6, 7). They have been uncovered from graves of the 7th–8th centuries. Brooches of this type are more often found in areas inhabited by Semigallians and Samogitians as well as Uplanders, stray finds have been located in Lithuania in territories inhabited by other tribes.

They date back to the 7th – 8th centuries. In Latvia they have been found only in Semigallia.

Crossbow step-shaped brooches were known of two types - early and late. The first are with an open spiral, the other, late ones, with a covered spiral. A pin/foot of first type brooches has two terraces, the top one being shorter (Fig. 56: 1, 2). They date back to the 6th–7th centuries. Apart from Semigallians these brooches were popular among inhabitants of the Middle and Western Lithuania and they are abundant in Eastern Prussia.

Crossbow step-shaped brooches with a covered spiral came into wear somewhat later. Their bow and spiral are a bit flattened. "Steps" are of equal size, covered by white metal plates ornamented in protruding bits. Such brooches were worn in the 9th–11th centuries. They were common in the same territory as those of the first type, besides they are found in Užnemunė area. Crossbow step-shaped brooches are also widely distributed in southern Lithuania.

Crossbow poppy-seed-shaped brooches are perhaps the most abundant from all crossbow brooches. They have been uncovered in all Semigallian burial grounds. Terminals of spirals of these brooches are decorated by flattened "poppy heads". Closer to the foot end there are two low protuberances (Fig. 57). The brooches are solid and date back to the 8th–10th centuries. Similar brooches were popular among Samogitians, Lettigallians and Selonians, whereas Curonians used to wear larger and broader crossbow poppy-shaped brooches.

The following ample group of brooches is that of *penannular brooches*. They became popular in the Eastern Baltics in the end of the 8th century and the beginning of the 9th century and were particularly favoured by Curonians. Their neighbours Semigallians started wearing such brooches in the 9th century and in the 10th century these brooches became especially popular. According to the shape of the terminals of the bow penannu-

lar brooches are classified into several groups. Semigallians used to wear all types of penannular brooches with cylindrical, multangular, quadrangular, splayed, poppy-seed-shaped, star-shaped and animal-shaped terminals (Fig. 58, 59).

Penannular brooches in the territory of Lithuania came into wear in the 8th–9th centuries, but especially liked in the 10th–12th centuries and remained fashionable until the 15th – 16th centuries. Penannular brooches were worn in the whole Eastern Baltics, the Middle Russia, Germany and Scandinavia.

Pins

It is the most abundant group of jewelry. Pins were used to ornament and pin clothes by women, yet they are also found in graves of men and children. Very often graves of women contain 2 pins interconnected by long chains. Sometimes pendants are attached to loops of pins.

Pins of a few forms were worn: crook-like, stemming, with a triangular head, with a ring head, cruciform, and with a round openwork head.

Almost all crook-like pins are made of iron, except a few made from bronze. Crook-like pins were worn by all Baltic tribes from the first millennium A.D. until the 12th century (Fig. 60).

Stemming pins date back to the 5th–7th centuries and two subgroups can be distinguished. The surface of the head of one subgroup is smooth and that of the other subgroup is with larger or smaller nub – a "cap" in a hemispheric shape. Pin heads with a smooth surface are decorated with a notched cross (Fig. 61: 4–6). They are mostly found in pairs. Pin heads with a "cap" in a hemispheric shape are decorated with a double cross (Fig. 61:1–3). Apart from Semigallians they were worn by Samogitians and in very rare cases by Uplanders. Stray finds have been uncovered in lands of *Jotvingiai* and *Lyviai* tribes. They are known in Estonia and Finland. In Latvia they are found in the territory inhabited by Semigallians.

Pins with triangular heads are of 3 kinds. The first are 10.5 cm long, their heads are 2.3 cm wide. They do not have a loop. A hole for the chains is cast in the broader part of a needle, below the head. Pins of this form are rare and found almost exclusively in the territory inhabited by Semigallians. They date back to the 5th century and the beginning of the 6th century (Fig. 62:1, 2).

Pins with a triangular head and round plates in the corners are also quite rare. They date back to the 8th century (Fig. 62:4–6).

Pins with a triangular head and nubs in the corners are more common. They date back to the 8th – 9th centuries and are amply distributed in the whole territory of Semigallia. They are rarer outside Semigallia, but sometimes are found in Samogitian and Selonian lands. Stray finds are known in Estonia (Fig. 62:7–9).

Pins with a ring-head are also most amply found in Semigallian burial grounds. They date back to the 8th – 10th centuries, but are mostly found in graves of the 8th – 9th centuries. Apart from Semigallians they were used by Samogitians, Selonians and Lettigallians (Fig. 63).

Perhaps the most abundant pins are cruciform ones. They are more various and even 5 groups are distinguished. The earliest are cruciform pins made of 5 round plates (Fig. 64:4, 5). Such pins are very rare in Semigallia. Apart from Semigallians they were used by Samogitian women. In Samogitia they date back to the 4th–6th century.

The other group of cruciform pins is formed by cruciform porous pins. There is a rhomboid opening in the centre of those pins (Fig. 65:7–8). They are found in graves of the 6th–7th century. Cruciform porous pins were mostly worn by Semigallian and Samogitian women. In Latvia they are found exclusively in Semigallian graves.

Cruciform pins with knob-shaped terminals resemble cruciform porous pins. Nubs are decorated by grooves in the shape of a cross, the surface of the head is decorated by hacks. They were common at the same

time and in the same territory as cruciform porous pins (Fig. 65:5, 6).

The fourth group of cruciform pins is formed by rather small cruciform pins with a short cross, the terminals of which end with small nubs flattened on the other side. Only Semigallian and Samogitian women wore them. They date to a later period than the previously mentioned group, i.e. to the 8th–9th centuries (Fig. 66).

The fifth groups of cruciform pins is formed by cruciform pins with flattened plates in terminals of crosses. They are most abundant. A part of them have heads covered in silver, the others heads decorated in concentric circles made of hacks. They are found in graves of the 7th–9th centuries and were popular among Semigallian, Samogitian, in rare cases Curonian and Lettigallian women, stray finds have been uncovered in Estonia (Fig. 65: 1–4). A part of such pins have plates decorated with high little cones (Fig. 67). Such pins are more characteristic of Curonians, were they came into use in the 9th–10th and 11th centuries. There are also such cruciform pins, the plates of which in the ends of crosses are not round but rather rhomboid. (Fig. 64:2, 3). They date back to the 10th–11th centuries.

Pins with openwork heads were significantly rarer than the pins described above.

Rosette pins so far has been known only from Semigallia. The pins are 19 cm long and 5 cm wide. They have been found in a grave dated back to the 11th century (Fig. 67).

Pendants

The majority of pins were worn with pendants. Penannular-shaped pendants were most favoured and most amply found.

Penannular-shaped pendants according to the terminal of the lower edge are divided into three groups.

Pendants with a straight lower edge belong to the first group (Fig. 62:9, 66: 4–5). Mostly such pendants are uncovered in the graves dating back to the 7th–8th centuries.

Pendants with 3 modest nubs and loops with eyelets for attaching chains would belong to the second group (Fig. 65: 5–6, 66: 1–2). These pendants have been found in graves of the 6th – 8th centuries.

Pendants with long nubs would make up the third group (Fig. 65: 3,4). They have been uncovered in later graves dating back to the 8th–11th centuries. One or other pendants are found in all Semigallian burial grounds without an exception. They were also worn by Samogitian women and sometimes by Lettigallian women.

Jauneikiai grave No. 464 contained the only composite pendant located in this area (Fig. 64–5). The lower edge of the pendant is decorated with 8 identical figures of water birds. The birds as if stand on one foot showing their right side. All plates of the pendant are silver-coated (Fig. 64:5).

In addition to the above mentioned W-shaped pendants with chains strung to their inner loops were worn. Usually 2 rows of chains would be strung to such pendants – the inner was shorter and the outer one was longer (Fig. 64:2, 3, 67:3). Such pendants were not very common in Semigallia. They date back to the 10th–12th centuries.

Arm decorations

This jewelry group is formed by bracelets and rings. Bracelets were numerous in all investigated burial grounds. Bracelets are quite various, even 7 types might be distinguished: 1) sash-like; 2) bracelets with a high triangular-shaped edge; 3) cuffed bracelets; 4) Thick-ended; 5) spiral bracelets; 6) massive and 7) with animal-shaped terminals and almost in every grave a few sub-groups have been subdivided.

Sash-like bracelets were favoured by Semigallians. According to the cross-section of the bow they are subdivided into 3 sub-groups: bracelets with a triangular, quadrangular and semicircular cross-section. The most rare are bracelets with a quadrangular cross-section. Bracelets of all three forms were

worn at the same period and they are uncovered in one burial ground (Fig. 68:1–3). They were very popular in the 5th – 6th centuries, yet in the 7th–8th centuries were worn more rarely. Such bracelets were used in the western, middle, eastern and northern Lithuania. In Latvia they are also found in a territory inhabited by Semigallians, Curonians and Lettigallians.

Bracelets with a high triangular-shaped edge were worn only by females. In the middle they have a protruding 1–2 cm high edge, which is sometimes hollow. The bracelets are ornamented (Fig. 69:1–3). Such bracelets were favoured only by Semigallian and Samogitian women in the 5th–6th centuries.

Cuffed bracelets were also worn only by females. Terminals of these bracelets are ornamented (Fig. 69: 4–6). They were popular among Semigallian, Samogitian and Lettigallian women. Bracelets of such a form were used in the 7th – 8th centuries.

Thick-ended bracelets are male decorations (Fig. 69: 5–6). Semigallians used them in the 5th–6th centuries. Apart from Semigallians they were worn by Samogitians, Curonians, Scalvians and other Baltic tribes. Here they remained popular for a longer period until the 8th and even the beginning of the 9th century.

Spiral bracelets are the most numerous. The bracelets are of different sizes from 2–3 to 15 spirals (Fig. 70: 1–4). Spiral bracelets in Semigallia were worn in the 7th – 11th centuries. They were common in Western, North and Middle Lithuania and in Latvia they are found in areas inhabited by Semigallians, Lettigallians and Selonians. Solid spiral bracelets are uncovered from male graves. They were made of a band with a triangular cross-section. Terminals of the band were tapering and mostly bracelets consisted of only 3 spirals. Such bracelets are particularly characteristic of the 8th – 10th centuries and in Šukioniai burial ground they were found in a grave dating back to the 11th century (Fig. 70: 5–6).

Massive bracelets worn exclusively by males are not numerous. They were of two types: the so-called “Warrior” and ordinary bracelets. “Warrior” bracelets have a trapezoid cross-section with flaring almost adjoining terminals (Fig. 71: 1–2). Such bracelets are not abundant in Lithuania. Graves containing such bracelets date back to the 10th–11th centuries. “Warrior” bracelets are most numerous in areas inhabited by Lettigallians.

Other massive bracelets are all different (Fig. 71: 5, 6).

Bracelets with animal-shaped terminals were not very popular among Semigallians. They have been uncovered only in Pavirvytė burial ground in female graves (Fig. 72). The graves date back to the 11th century.

Rings

A custom to embellish hands with rings was not very common in Semigallia. Rings form only 2.3–3 % of all finds. Mostly spiral rings twisted from a triangular, semi-round or round wire or narrow band were worn (Fig. 73). Spiral rings with turned-up and twisted outside spirals (Illustr. 73: 6, 7). Rings are more numerous in graves dating back to the 12th–13th centuries.

Other Finds Riding Gear

Unlike other Baltic tribes (Uplanders, Lithuanians, Samogitians and Prussians) Semigallians did not bury their dead with horses. Very rarely items pertaining to a rider or a horse such as bits and spurs are uncovered in graves of Semigallian males. All uncovered bits are made of iron (Fig. 74). Graves with riding bits date back to the 8th–11th centuries. Items pertaining to a horse are also a rare find in Semigallian burial grounds located in Latvia. In this respect Semigallians are closer to Lettigallians and Selonians, where these burial items are also uncovered in extremely rare cases.

Spurs are one more rare find. Only one spur was used, mostly on a left ankle. They

were made either from iron or from bronze. Bronze spurs were more decorative (Fig. 75: 8–7, 10). Bronze spurs found in graves of the 10th–11th centuries are related to the ones uncovered from Curonian burial grounds.

Drinking Horns

A custom to place drinking horns into a grave in Lithuania is observed from the 3rd century. In the 8th – 9th centuries this custom became popular in the whole territory of Lithuania although popularity was of different intensity. Researchers note that around 30% of Curonians were buried with drinking horns, whereas the percentage of Samogitians is only 2–3% of. A similar situation might be observed in Semigallia, where only 2% of the dead were buried with drinking horns. Graves containing drinking horns date back to the 8th–11th centuries.

Pincers

A dead person was also rarely buried with a pair of pincers. Such phenomenon is observed in all the territory of Lithuania. Usually in a burial ground, where a few hundred of graves have been uncovered, only few inhumations would contain pincers. The fact allows assuming that pincers were not only instruments used in household but also an item pertaining to rituals, magic and wizardry (Fig. 76:3–5).

Strikers

A striker is a tool to strike a flame. For that purpose a piece of flint and highly flammable material (well dried moss of an ash or a birch-tree) and an iron striker were necessary. In a burial ground with 200, 300 or even 500 graves uncovered, there are only 1–2 strikers. It applies to the whole territory of Lithuania, including Semigallia. In Lithuanian burial sites iron strikers were used in the 10th–11th centuries.

Belts

Firstly, it should be noted that in Semigallia the dead were rarely buried belted with leather metal-coated belts. Only around 2% of the dead were buried with belts. In rare cases belts are found with a part or their entire surface covered with oblong or quadrangular bronze plates. Curonians and Samogitians more often used to bury the dead with belts. Most probably Semigallians preferred wearing woven sashes.

Remains of Footwear

Apparently at least a part of the dead were buried with leather footwear. Its remains have been uncovered in some male graves and less commonly in female graves. Often bronze buckles are found at the bootleg. The footwear mostly was decorated with bronze bits only in the ankle area or at its top. Decoration of footwear in the ankle area of male left footwear was characteristic in the 8th – 9th centuries and sometimes found in graves dating back to the 11th century. Curiously that only a shoe of the left foot would be decorated. Actually a spur is also most often found on the left foot.

Scales and Flyweights

Scales and flyweights in graves in all Eastern Baltic area appeared only from the middle and second half of the 10th century. Grave researchers attribute them to merchant graves. Scales were ornamented; terminals of scale-beams and plates were decorated. A part of scales were found in decorative bronze boxes (Fig. 78). Boxes are in the shape of a flattened orb, made of a thin bronze tin-plate with a more or less prominent lid.

Flyweights are more numerous finds – a few have been uncovered in almost all Semigallian burial grounds. They were of different forms – double truncated cone, oblong and even nubs of crossbow brooches or little bronze balls with one flattened edge were used.

Peculiarities and Territory of Semigallian Culture

Having discussed burial rites and burial items, it is possible to attempt describing the differences of Semigallians from other Baltic tribes and characteristics common to most or only some of them, as well as distinguishing exclusively Semigallian peculiarities.

The first and most conspicuous Semigallian characteristic is inhumation of the unburnt dead. The other burial characteristic typical of this tribe is opposite orientation of the dead. Only in Semigallia changes of orientation of burials are observed, which appeared in the 7th–8th centuries. Semigallians would not bury a horse with the deceased, whereas this was a common practice among Samogitians, Lithuanians or Uplanders. In this respect Semigallians were more related to Lettigallians. Semigallians did not place horse riding gear into a grave as was a tradition of Curonians, who also placed neither a horse nor riding gear into graves. Uplanders, on the other hand, used to bury the dead with riding gear. This custom closely relates Semigallians with Lettigallians.

Numerous burial items are one more peculiarity, yet it is also characteristic of other neighbouring tribes – Curonians, Lettigallians and Samogitians. However in Semigallia the order of placement of burial items into a grave and their composition was specific and thus, distinguished them from other tribes. One such distinct feature is numerous arms in a grave. Although Semigallians did not use lance-shaped spearheads, which were popular among Curonians. Semigallians swords were also of a unique form. The earliest are long narrow battle knives, sometimes with a ring on a haft. Later broad battle knives – swords were prevailing, yet double-edge swords did not gain popularity in this territory. Broad battle knives – swords were used by Samogitians and Lettigallians, but Semigallians had a distinctive order of placing such arms into a grave. Here they are uncovered placed diagonally on the feet or pelvis bones.

Ethnic similarities and differences are emphasised by such a burial item as an axe. The custom to place an axe into a grave was familiar to Semigallians. However, males with an axe from the 7th century had been buried more rarely than in Lettigallia, where this custom was more common, and also more rarely than in Samogitia.

One more especially typical of Semigallians burial item is a hoe. So far they have been uncovered only in this territory, but single cases have been observed in eastern and central Lithuania. Thus, we may state that this burial item is characteristic of Semigallian women. Knives with bent points are also characteristic of Semigallian women. They were rarely buried with a spindle. Besides, working tools are more rarely found in Semigallian graves than in graves of other tribes.

Some features of Semigallian culture are reflected by decorations placed in graves. Women of all tribes embellished their heads with metal jewellery. Only Semigallian and their neighbouring Samogitian women were wearing headbands from solid bronze plates interconnected by short spirals. This custom relates Semigallian women with Samogitian neighbours. Only Semigallians had characteristic garland of a solid spiral placed on the top of the head above the headband. Semigallians as well as Lettigallians did not decorated their caps or edges of the caps with metal pendants as was popular among Samogitian, Curonian and Scalvian women. In fact, very rarely caps or head strings decorated with bronze bits are found here.

In Semigallia it was not customary to wear strings of necklaces. Only one or a couple of beads would be worn as in Lettigallia, which most probably served as an amulet. However, neck rings were very popular.

In Semigallia as well as in Samogitia women and men used different decorations for pinning their garments. Men pinned their

clothes with brooches, whereas women with a couple of pins.

Bracelets are also one of the decorations, which reflect the tribal culture. Naturally a part of them are typical of majority of Baltic tribes, but some were worn only in one or a few tribes. Semigallian women favoured bracelets with a protruding edge. Apart from them such bracelets were popular among Samogitian women, more rarely Uplanders. Cuffed bracelets were typical of Semigallian, Samogitian and Lettigallian women. Only Semigallians and Lettigallians used massive and

“warrior” bracelets. Bracelets with animal-shaped terminals sometimes were characteristic of Curonians but also worn by Semigallians.

Rings were not favourite decorations of Semigallians, they were more popular among Curonians. It was not customary to bury the deceased with a leather belt. That is why belt buckles or other metal parts of the belts are rarely uncovered in graves. In this respect Semigallians were different from Samogitians and particularly from Curonians. Belts are also rare in Lettigallian graves.

LIST OF ILLUSTRATIONS

1. Territory of Semigallia.
2. Stone and Bronze Age finds: 1–3) Vaškai treasure – a bronze blunt-ended axe, an axe of Mälär type, a dagger, 4–5) – horn points.
3. A boat-shape battle axe from Guostagalis.
4. A bronze flanged axe from Linkuva.
5. A bowl from Šakyna.
6. Berčiūnai. Scheme of the Barrow No. 62.
7. Berčiūnai. A stone circle of the Barrow No. 62 in situ.
8. Berčiūnai. Barrow No. 60, Grave No. 1. Uncovered items.
9. Semigallian burial grounds.
10. The number of men, women and children in some burial grounds of Semigallians.
11. Remnants of a wooden coffin. Stungiai Grave No. 1.
12. Orientation of men and women with respect to parts of the world.
13. Most often positions of inhumations of the dead.
14. Jauneikiai burial ground Grave No. 123, Šukioniai Grave No. 69.
15. Stungiai male Grave No. 9, Jauneikiai male Grave No. 113, 200, 260.
16. Jauneikiai Grave No. 390.
17. Jauneikiai Grave No. 439, Stungiai Grave No. 25.
18. Jauneikiai Grave No. 414, 349.
19. Pavirvytė Grave No. 138.
20. Jauneikiai Grave No. 124.
21. Socketed axes. Jauneikiai. 1) Grave No. 454, 2) Grave No. 2, 3) Grave No. 390, 4) Grave No. 60, 5) Grave No. 58, 6) Grave No. 76, 7) Grave No. 370, 8) Grave No. 341.
22. Blunt-ended axes with a narrow blade. 1) Šukioniai stray find. 2) Jauneikiai Grave No. 78, 3) Jauneikiai stray find.
23. Blunt-ended axes with a broad blade. 1) Šukioniai, Grave No. 54, 2) Skeiriai-Vadagaii stray find, 3) Rūdiškiai stray find.
24. Ice-picks. Jauneikiai 1) Grave No. 284, 2) Grave No. 344.
25. Knives with bent points. 1–2) Jauneikiai, Grave No. 144, 82, 3–5) Šukioniai Grave No. 111, 129, 99, 6–8) Stungiai Grave No. 7, 5, 25.
26. Hoes. 1) Jauneikiai Grave No. 141, 2) Jauneikiai Grave No. 65, 3) Jauneikiai stray find, 4) Stungiai Grave No. 25.
27. Awls. 1) Šukioniai Grave No. 104, 2) Šukioniai Grave No. 127, 3) Šukioniai Grave No. 99, 4) Šukioniai Grave No. 111, 5–6) Šukioniai Grave No. 129, 7) Stungiai Grave No. 25.
28. Working tools. Spindles: 1) Stungiai stray find, 2) Pavirvytė Grave No. 144, 3) Pavirvytė Grave No. 135. Stone casting moulds: 4) Šukioniai Grave No. 119, 7–9) Pavirvytė Grave No. 135. Needles: 5) Šukioniai Grave No. 119, 6) Jauneikiai Grave No. 58.
29. Pavirvytė Grave No. 135.
30. Burial items of Pavirvytė Grave No. 135.
31. Broad battle knives. 1) Jauneikiai Grave No. 351, 2) Stungiai Grave No. 24, 3) Šukioniai Grave No. 41, 4) Jauneikiai Grave No. 43, Jauneikiai Grave No. 113.
32. Battle knives with a ring on the haft. 1) Jauneikiai Grave No. 371, 2) Jauneikiai Grave No. 390, 3) Jauneikiai Grave No. 447, 4) Jauneikiai Grave No. 443.
33. Swords and a battle knife from Pavirvytė burial ground: 1) Grave No. 27, 2) Grave No. 145, 3) Grave No. 18.
34. Socketed spearheads with a willow-leaf-shaped blade. 1) Jauneikiai Grave

- No. 311, 2) Šukioniai Grave No. 25, 3) Šukioniai Grave No. 25, 4) Stungiai Grave No. 24, 5) Stungiai Grave No. 24, 6–7) Jauneikiai Grave No. 344.
35. Socketed spearheads with a lanceolate-shaped blade. 1–2) Jauneikiai Grave No. 466, 3) Šukioniai Grave No. 21, 4) Linkaičiai stray find, 5) Jauneikiai Grave No. 111.
36. Socketed spearheads with a rhomboid blade. 1) Jauneikiai Grave No. 390, 2) Jauneikiai Grave No. 135, 3) Diržiai Grave No. 3.
37. Socketed spearheads with a profiled blade. Jauneikiai: 1) Grave No. 413, 2) Grave No. 415, 3) Grave No. 13, 4) Grave No. 443.
38. Socketed sash-like spearheads. 1) Stungiai Grave No. 16, 2) Stungiai Grave No. 19, 3) Šukioniai Grave No. 91, 4) Jauneikiai Grave No. 50.
39. Hafted spearheads. 1) Stungiai stray find, 2) Jauneikiai Grave 31, 3) Stungiai Grave No. 23, 4–5) Linkuva Grave No. 2.
40. Ornaments of headband plates. 1) Vėžlaukis stray find, 2) Jauneikiai Grave No. 384, 3) Jauneikiai Grave No. 408, 4–5) Jauneikiai Grave No. 427.
41. A headband of quadrangular plates. Jauneikiai Grave No. 349.
42. A headband from spirals and tins. Pavirvytė Grave No. 135.
43. A headband from spirals and tins. Pavirvytė Grave No. 137.
44. Spiral garland. Pavirvytė Grave No. 135.
45. Reconstruction of the head string (according to Šukioniai Grave No. 119).
46. Neck-rings with a loop-and-hook clasp. 1) Jauneikiai Grave No. 113, 2) Valdamai Grave No. 7, 3) Pamiškiai Grave No. 54, 4) Stungiai Grave No. 19.
47. Neck-rings with overlapping thickening terminals. 1) Jauneikiai Grave No. 4, 2) Jauneikiai Grave No. 444, 3) Linksmučiai Grave No. 70.
48. Neck-rings with crutch-shaped terminals 1) Linkuva stray find, 2) Pamiškiai Grave No. 23, A clasped neck-ring – 3) Jauneikiai Grave No. 422.
49. Neck-rings with saddle-shaped terminals. Jauneikiai 1) Grave No. 28, 2) 124.
50. Neck-rings with overlapping square terminals. 1) Jauneikiai Grave No. 58, 2) Pamiškiai Grave No. 26.
51. Neck-rings with tapering terminals. Jauneikiai 1) Grave No. 58, 2) 107.
52. A neck-ring with loop-shaped terminals and composite neck-rings. Pavirvytė 1–2) Grave No. 137, 3) Grave No. 143.
53. Blue glass beads. Pavirvytė Grave No. 138.
54. Crossbow long-pinned brooches. Jauneikiai 1–4) stray finds, 5) Grave No. 393.
55. Crossbow owl-shaped, animalistic and arch-like brooches. 1) Jauneikiai Grave No. 443, 2) Jauneikiai Grave No. 422, 3) Jauneikiai Grave No. 466, 4) Jauneikiai Grave No. 381, 5) Jauneikiai Grave No. 390, 6) Pamiškiai Grave No. 27, 7) Jauneikiai Grave No. 455.
56. Crossbow step-shaped brooches. 1) Jauneikiai Grave No. 409, 2) Jauneikiai Grave No. 410, 3) Jauneikiai stray find, 4) Pavirvytė Grave No. 135, 5) Jauneikiai stray find.
57. Crossbow poppy-seed-shaped brooches. 1) Jauneikiai Grave No. 43, 2) Šukioniai Grave No. 126, 3) Pamiškiai Grave No. 17, 4) Linksmučiai Grave No. 4.
58. Penannular brooches. 1) Jauneikiai Grave No. 57, 2) Jauneikiai stray find, 3–4) Šukioniai Grave No. 130, 5) Šukioniai Grave No. 133, 6) Pavirvytė Grave No. 125, 7–9) Pavirvytė Grave No. 136, 10) Pamiškiai Grave No. 23, 11) Jauneikiai Grave No. 183, 12–13) Pavirvytė Grave No. 140.

59. Penannular and plate brooches. 1) Pavirvytė Grave No. 146, 2) Pavirvytė Grave No. 135, 3) Pavirvytė Grave No. 136, 4) Pavirvytė Grave No. 155, 5) Pavirvytė Grave No. 136, 6) Pavirvytė Grave No. 135, 7) Pavirvytė Grave No. 134, 8) Jauneikiai Grave No. 351, 9) Jauneikiai stray find, 10) Linkuva Grave No. 3.
60. Crook-like pins. 1) Linksmučiai Grave No. 91, 2) Jauneikiai Grave No. 415, 3) Jauneikiai Grave No. 186.
61. Stemming pins. Jauneikiai 1) stray find, 2) Grave No. 447, 3) Grave No. 426, 4) stray find, 5) stray find, 6) Grave No. 102.
62. Pins with a triangular head. 1–2) Jauneikiai Grave No. 4, 3) Stungiai Grave No. 24, 4) Pamiškiai Grave No. 13, 5) Jauneikiai Grave No. 375, 6) Jauneikiai Grave No. 412, 7–8) Jauneikiai Grave No. 349, 9) Linksmučiai Grave No. 40.
63. Pins with a ring head. 1) Linksmučiai Grave No. 56, 2–3) Jauneikiai Grave No. 40, 4–5) Šukioniai Grave No. 125.
64. Cruciform pins. 1) Linksmučiai Grave No. 91, 2–3) Pavirvytė Grave No. 144, 4–5) Jauneikiai Grave No. 464.
65. Cruciform pins. 1) Stungiai stray find, 2) Šukioniai Grave No. 105, 3–4) Jauneikiai Grave No. 88, 5) Jauneikiai Grave No. 467, 6) Jauneikiai Grave No. 408, 7–8) Jauneikiai stray finds.
66. Cruciform pins. 1–2) Linksmučiai Grave No. 6, 3) Stungiai Grave No. 25, 4–5) Šukioniai Grave No. 118.
67. Cruciform and rosette pins. 1–2) Linkuva stray finds, 3) Pavirvytė Grave NO. 138.
68. Sash-like and thick-ended bracelets. Jauneikiai 1) Grave No. 42, 2) Grave No. 21, 3) Grave No. 4, 4) stray find, 5) Grave No. 422, 6) Grave No. 351.
69. Bracelets with a high triangular-shaped edge and cuffed bracelets. Jauneikiai 1) Grave No. 392, 2–3) Grave No. 414, 4) Grave No. 464, 5–6) Grave No. 412.
70. Spiral bracelets. 1–2) Jauneikiai Grave No. 124, 3) Pamiškiai Grave No. 4, 4) Meldiniai stray find, 5) Jauneikiai Grave No. 31, 6) Pamiškiai Grave No. 17, 7) Pamiškiai Grave No. 27b.
71. Warrior and massive bracelets. 1) Jauneikiai Grave No. 113, 2) Šukioniai Grave No. 42, 3) Šukioniai Grave No. 53, 4) Pamiškiai Grave No. 51, 5) Jauneikiai stray find, 6) Pavirvytė Grave No. 135.
72. Bracelets with animal-shaped terminals. Pavirvytė 1–2, 4) Grave No. 136, 3) Grave No. 146.
73. Rings. 1) Pamiškiai Grave No. 26, 2–3) Jauneikiai Grave No. 2, 4–5) Šukioniai Grave No. 121, 6–7) Pavirvytė Grave No. 135.
74. Riding bits. 1) Šukioniai Grave No. 73, 2) Šukioniai Grave No. 54, 3) Jauneikiai Grave No. 344.
75. Spurs and buckles. 1–3) Jauneikiai Grave No. 398, 4–5) Šukioniai Grave No. 11, 6) Valdamai stray find, 7) Šukioniai Grave No. 54, 8) Šukioniai stray find, 9) Šukioniai Grave No. 91, 10) Linkuva Grave No. 5.
76. Binds of drinking horns and pincers. 1) Šukioniai Grave No. 129, 2) Jauneikiai Grave No. 391, 3) Stungiai Grave No. 16, 4) Jauneikiai stray find, 5) Jauneikiai Grave No. 78, 6) Jauneikiai Grave No. 391.
77. Belts and their parts. 1) Šukioniai Grave No. 69, 2) Pavirvytė stray find, 3) Pavirvytė Grave No. 133, 4–5) Pavirvytė stray finds, 6) Jauneikiai Grave No. 53, 7) Meldiniai stray find, 8) Jauneikiai Grave No. 398, 9) Šukioniai Grave No. 46.
78. Scales and scale boxes. 1) Pavirvytė stray find, 2) Linkuva stray find.
79. Bronze tins. 1) Diržiai Grave No. 54, 2) Šukioniai Grave No. 134, 3) Jakštaičiai-Meškiai Grave No. 39.

Илона Вашкявичюте

ЗЕМГАЛЫ V–XII ВЕКОВ

РЕЗЮМЕ

Вступление

Исследования археологических памятников Литвы, древнейшей культуры и истории ее жителей ведутся в течение почти двух столетий.

Известно, что до образования государства и литовской народности на территории современной Литвы жили курши, скалвы, селы, судувы, литовцы и другие племена.

Данная работа посвящена изучению культуры земгалов V–XII веков. Территории проживания земгалов в XIII–XIV вв. в бассейне рек Муша–Лелупе оказались в двух государствах–южная часть в Великом Княжестве Литовском, а северная – в Ливонии. Эта политическая граница, разделившая места проживания земгалов, продержалась несколько столетий и в 1918–1920 гг. вновь утвердилась границей между Литвой и Латвией.

В Литве остался только южный край территории проживания земгалов. Археологические исследования этой части Литвы исчерпываются изучением лишь нескольких более или менее изученных могильников. Значительная часть исследованных материалов относится к V–XII вв. Этот факт и определил объем данной работы. Таким образом, работа опирается на результаты изучения находок могильников,

поскольку на Земгальской части, относящейся к Литве, нету исследованных поселений и городищ.

Полученные данные дают возможность изучить обычай хоронить умерших земгалов V–XI вв., культуру украшений и оружия. Эти данные мы можем сравнить с данными изучения могильников куршей, жямайтов, аукштайтов и латгалов. Это также позволяет уточнить границы территории проживания земгалов, их отношения с соседними племенами. Рассмотрению этих вопросов уделено основное внимание.

Также ощущается нехватка археологического материала, относящегося к XIII–XIV вв. этой территории не обнаружено изученных могильников этого периода. Поэтому сейчас еще трудно сказать, в какой степени южная часть Земгалы пострадала от Ливонского ордена, архиепископа Риги и от войск феодалов. Неизвестно, превратилась ли она в сплошную пустошь, остались ли здесь древние жители, а также когда началась колонизация этой территории. Можно добавить, что до сих пор археологам не удалось обнаружить поселений, относящихся к XIV–XV вв., и могил земгалов, переселившихся в Литву в конце XIII века.

Обзор исследований

Земгала и ее жители с конца XIX века оказалась в центре внимания языковедов, историков и археологов Литвы и Латвии. Поэтому литература о земгалах достаточно обширна. Обратимся к некоторым важнейшим штудиям.

В конце XIX века немецкий исследователь А.Биленштейн, опираясь на Г.Латвиса и на акты XII–XIV в. и другие письменные источники, установил приблизительные границы Земгалы. Наименее четкими для автора остались южная и восточная границы.

Впервые интерес к Земгале в Литве проявился как картографирование ее археологических памятников (Покровский, 1989, Elisonas, 1925). В 1928 г. была опубликована книга П.Тарасенко «Материалы литовской археологии» (Targasenka, 1928), в которой было представлено развитие археологической науки в Литве, а также обзор существовавших здесь культур.

В 1926 г. в Риге вышла книга «Археология Латвии» (Latvijas, 1926), в одном из разделов которой было дано описание племен балтов, живших на территории Латвии. Территория проживания земгалов совпадает с установленной А.Биленштейном. В книге также представлены черты, характерные для культуры земгалов.

В 1938 г. в Риге опубликована «История Латвии» (Latviešu, 1938). На карте обозначены племена балтов. Согласно этой карте, в I–IV в. н.э. земгалы проживали на несколько большей территории, чем когда бы то ни было, однако интересующая нас южная граница этой территории обозначена традиционно – Муша (Latviešu, 1938, p.106).

В V–IX в.в. н.э. территория проживания земгалов уменьшилась. В IX–XIII в.в. эта территория еще больше

сократилась и в начале второго тысячелетия охватила почти такую же площадь, какую наметил А.Биленштейн.

В первом научном обзоре Й.Пузинаса (Puzinas, 1938) был представлен систематизированный материал со всей территории Литвы. Автор выделил Земгалу – бассейн Муши – Акмяне – Шяуляй – Розалимас – Пумпенай – Биржай (Puzinas, 1938, p. 275).

Книга М.Альсейкайте «Балты в доисторические времена» (Alseikaitė, 1944) была одной из первых работ, в которой рассматривалась столь обширная теория происхождения балтов. Для земгалов в Литве автор отвела территорию до Таурагнай – Сведасай. Вместе с тем, западная граница проживания земгалов, то есть граница с куршами, совсем не указана.

В связи с некоторым оживлением работ по изучению памятников в 60-е годы было накоплено больше материалов для решения вопросов этнической истории.

В книге эстонского археолога Х.Мооры, вышедшей в 1952 г. и посвященной балтийским племенам в Латвии (Моора, 1952), указано, что уже во II в. н. э. выкристаллизовались особые культурные области – территория между Вентой и Даугувой отводилась земгалам.

В изданной в 1961 г. книге «Черты археологии Литвы» (LAB, 1961) достаточно полно представлена предыстория Литвы вплоть до образования государства. Книга содержит немало данных и о могильниках на севере Литвы, объединенных в отдельную группу.

Более полно культуру земгалов представила Р.Волкайте-Куликаускаене в книге «Литовцы в IX–XII в.в.» (Volkaitė-Kulikauskienė, 1970). По мнению

автора, земгалы в начале II тысячелетия н.э. двигались более к северу, а их территорию на юге заняли аукштайты и жямайты.

А.Таутовичюс в статье о манжетообразных браслетах (Таутовичюс, 1970, с. 197–202) также коснулся вопроса о локализации земгалов. В работе представлена карта распространения этих браслетов, что указывает и на племенные границы земгалов.

Важным шагом вперед в исследовании этнической истории балтийских племен было создание археологических атласов Литвы (LAA, 1974, 1975, 1977, 1978). На основании могильников выделена территория проживания земгалов – бассейн рек Муша – Левуо. На западе она доходила до реки Вента, на юго-западе – до района Шяуляй, на юго-востоке – до северной окраины Панявежиса, восточная граница так и остается неясной, поскольку есть нехватка изученных памятников V–XII в. в. в районах Купишкис, Рокишкис и Биржай (LAA, 1975, р. 18). Земгалам отводится несколько более обширная территория, чем была прежде.

А.Таутовичюс в статьях «Балтийские племена в I тысячелетии н.э. на территории Литвы» (Таутовичюс, 1980) и «Этногенез жямайтов» (Tautavičius, 1981) рассуждал о выделении племени земгалов из общего образования, то есть из области культуры курганов северной и западной Литвы. Отмечая территорию проживания этого племени, автор подчеркнул родственность культур жямайтов и земгалов.

В изданной в 1985 г. книге М.Гимбутене «Балты в доисторические времена» (Gimbutienė, 1985) уделено значительное место процессу формирования племен. Автор отвела земгалам часть центральной Латвии и северную часть Литвы, находящуюся в бассейне Муши. Вместе с тем, южную

границу Земгалы исследовательница подробнее не представила.

М.Михелбертас в книге «Древний железный век в Литве» (Michelbertas, 1986) рассматривал весьма важный период формирования культуры всех племен. Уделив немало места курганам с каменными венками на Севере Литвы, автор констатировал, что культура земгалов развилась из культуры курганов северо-восточной области около 350–450 г. г. (Michelbertas, 1986, р. 240).

Книга В.Седова «Фино-угры и балты в средние века» (Седов, 1987) посвящена истории всех балтских племен. Автор опирался на данные археологии Литвы и Латвии, и, тем не менее, он поделил племена на «латышей» и «литовцев» согласно исторически сложившимся государственным границам. По мнению автора, такие племена, как земгалы и селы, – это латышские племена, тем самым словно подтверждая мнение А.Биленштейна о том, что земгалы и латгалы говорили на латышском языке.

Остается добавить, что в монографии В.Казакиявичюса об оружии II–VII в.в. (Казакиявичюс, 1988) немало места уделено вооружению земгалов.

В книге «Этногенез литовцев» (Lietuvių etnogenezė, 1987) специалисты из нескольких областей предприняли попытку выяснить процесс формирования литовской нации. Большое место в этой работе уделено дифференцировавшимся племенам балтов, в том числе и земгалам.

За последние десятилетия среди археологов Латвии наибольшее внимание к могильникам Земгалы проявил М.Атгазис. Фундаментальная работа по этому вопросу опубликована в сборнике статей, посвященному этнической истории (Атгазис, 1980, с. 89–101). Автор выводит происхождение земгалов из культуры курганов с каменными венками, расположенными на севере

Литвы и на юге Латвии. Также было установлено, что на севере эта область достигала реки Лиелстраупе, на западе – Занте и Ежяре, а границы с Латгалой все еще не ясны. Южная граница племени земгалов, по мнению автора, совпадает с той, которую провел А.Таутовичюс.

Изучению связей между земгалами и куршами посвящена статья автора данной работы (Vaškevičiūtė, 1989, р.55–67), в которой использован материал могильника Павирвите.

Помимо упомянутых важных и значительных работ по вопросам культуры земгалов и этнической истории, имеется немало других статей и работ, в которых эта территория и ее жители рассмотрены в том или ином аспекте. Прежде всего, это статьи, в которых представлены материалы из раскопок памятников, а также отдельные находки или группы находок.

В 1943 г. Р.Волкайте-Куликаускаене опубликовала статью о найденных в могильнике Стачюнай шейных гривнах (Volkaitė-Kulikauskienė, 1943, р.80–95), а в 1954 г. – о результатах раскопок могильника Линксмучай в 1948 г. (Volkaitė-Kulikauskienė, 1951, р.279–314). О.Навицкайте исследовала остатки разрушенного могильника Диржай и написала об этом памятнике статью (Navickaitė, 1959, р.151–158), а позже в работе «Исследования грунтовых могильников в Литве в 1948–1958 г.г.» (Navickaitė, 1961, р.66–100) подробно рассказала об изучении могильников Диржай, Дегесай, Линксмучай, Папиле. В работе «Торговые связи жителей Литвы во II–XII в.в.» (Lietuvos gyventojų..., 1972) разные авторы упоминают о найденных в Земгале импортных изделиях, сплавах серебра. В книге «Материальная культура Литвы в IX–XII в.в.» (Lietuvių, 1978;1981) многие вопросы по этой тематике решаются на

основе земгальских материалов.

В двух книгах о серебряных украшениях (Tautavičienė, 1981; Vaitkuns-kienė, 1981) опубликованы данные и о многочисленных находках в Земгале. Автор данной работы писала о головных украшениях, булавах, которые носили женщины южной Земгалы, о мужских фибулах, о начале живоотнообразного орнамента и использовавшихся формочках для литья (Vaškevičiūtė, 1978, р.24–30, 1980, р.101–104, 1982, р.56–61, 1982а, р.93–95, 1984, р.112–114). Кроме того, опубликована серия статей об изучении могильника Яунейкяй (Vaškevičiūtė, 1985; 1986; 1987; 1987а; 1987в).

В 1990–2000 г. г. появилось немало работ, в которых Земгала рассматривалась в том или ином аспекте. Так, И.Вашкявичюте опубликовала статью о спиральных венках IV–XI в.в., в том числе и о найденных в южной Земгале (Vaškevičiūtė, 1992, р.128–134). Погребальному обряду земгалов посвящена статья И.Вашкявичюте «Burial practices in one of the Baltic tribes-Semigallians» (Vaškevičiūtė, 1992а, р. 91–98). Статья того же автора о проблемах южной границы Земгалы опубликована в журнале «Žiemgala» (Vaškevičiūtė, 1999а, р.2–7). Также опубликованы материалы раскопок двух земгальских могильников – Шукёнай и Стунгай (Vaškevičiūtė, 2001а, р.159–224; Vaškevičiūtė, 2001в, р. 225–262).

А.Таутовичюс в своей книге о среднем железном веке (Tautavičius, 1996) Земгале уделил немало места. Автор рассмотрел процесс образования этнической области Земгалы, охарактеризовал важнейшие погребения-памятники того периода, черты обряда захоронения, комплект инвентаря, подчеркивая мысль том, что культура этой области не была однородной. В южной части ареала она ближе культуре жямайтов, а в восточной – ощутимо

большее влияние культуры селов и латгалов. Данная область охватывает бассейн Муши с запада и на юго-западе достигает реку Вента, на севере – бассейн Лелупе до Даугавы. Говоря об инвентаре, автор указывает хронологию, границы распространения. Также указаны орудия труда, оружие и украшения, характерные для земгалов.

Статья В. Казакиявичюса «Шлем из могильника Павирвите-Гудай» посвящена шлему, найденному с трупосожжением в погребении №65 могильника Павирвите (Казакиявичюс, 1998, с. 129–135). Другая статья того же автора рассказывает о найденной в погребении №5 могильника Линкува наконечнике ножен меча, изготовленном местными мастерами, но по скандинавскому образцу (Kazakevičius, 2000, р. 19–24).

А. Симнишките, рассказывая в своей

Исследования археологических памятников

Исследования в Литве

Сколько-нибудь обширные исследования на протяжении всего XIX в. так не были начаты. Лишь в 40-е годы Шяуляйское Краеведческое общество под руководством Б. Тарвидаса провело незначительные раскопки нескольких могильников. В 1992 г. музей Культуры Витаутаса Великого исследовал могильник Мельдиняй (рук. П. Балелюнас). В 1943 г. исследовательские работы продолжил П. Куликаускас. Им же в 1948 г. были начаты раскопки могильника Линксмучяй, которые в 1949 г. продолжила Р. Волкайте-Куликаускас. В 1949 г. П. Куликаускас изучал могильник Дягесяй, который в 1999 г. исследовала Е. Стришкене.

В 1955 г. Шяуляйский музей «Аушра» (рук. И. Науджас) провел раскопки

работе о питьевых рогах в Литве, упоминает и о найденных в Земгале – в Яунейкяй, Линкайчяй, Линксмучяй, Павирвите, Стунгяй, Шукёняй (Simniškų kytė, 1998, р. 185–245). Е. Василюскас написал статью о торговых путях и центрах Земгалы (Vasiliauskas, 1999, р. 79–99). Историческому периоду Земгалы XII–XIII в.в. посвящена статья Р. Яроцкиса «Semigala 1100–1400. A review of archaeological and historical sources» (Jarockis, 1998, р. 45–53).

Обзор представленной литературы свидетельствует о том, что исследованиям культуры и истории земгалов уделяется большое внимание как в Литве, так и в Латвии, на чьей территории осталась несколько большая часть территорий, на которых жили земгалы, а также большинство их археологических памятников.

частично разрушенного могильника Папиле и Валдамай. Остатки этого памятника в 1968 г. изучал А. Таутовичюс и в 1989 г. Шяуляйский музей «Аушра» (руководитель работ Б. Салаткене).

В 1956 г. этот же музей предпринял попытку раскопок городища Жвелгайчяй. В 1996 г. Б. Яроцкис на площадке городища сделал несколько скважин, были начаты раскопки городища Рактуве.

В 1957 г. О. Навицкайте и В. Урбанавичюс вели раскопки могильника Диржяй, в 1996–1999 г. г. эти работы продолжила Е. Стришкене.

В 1973 г. Б. Таутовичене изучала могильник Памишкяй. В 1974 г. Е. Бутенене продолжила начатые в 1939 г. П. Балелюнасом раскопки могильника Мельдиняй.

В 1975–1976 г. г. А. Таутовичюс и

Б. Таутовичене вели раскопки могильника Яунейкяй. Благодаря своему географическому положению, объему исследований и обилию собранного материала этот памятник стал одним из важнейших источников изучения культуры жителей южной части Земгалы.

В 1977 г. А. Холодинскене начала раскопки могильника Павирвите-Гудай, которые были продолжены и в 1978–1979 г. г., затем в 1982 г. В 1983–1984 г. г. этот могильник изучала И. Вашкявичюте.

В 1985 г. Б. Даканис и в 1986 г. И. Вашкявичюте вели раскопки могильника Стунгяй (Йонишкский р-н). В 1988 г. В. Шименас начал раскопки могильника Шукёняй (Пакруойский р-н), в 1989 г. и в 1990 г. их продолжила И. Вашкявичюте.

За последние десятилетия археологический материал Земгалы пополнился благодаря еще нескольким исследованиям меньшего объема.

Исследования в Латвии

Земгальские памятники, находящиеся в Латвии, дождалась внимания исследователей гораздо раньше, чем в Литве. Уже в 1886 г. К. Бой, Т. Кайзерлинг и Е. Шмидт начали раскопки могильника возле Вецсауле Чепанай, которые в 1892 г. продолжил Ф. Браун, а К. Бой – могильник Цемалде. Большое значение имели исследования могильника V–VII в. в. Катлакалнс-Плавниккалнс. В свое время существовали предположения о том, что в Земгале могли находиться бывшие германские колонии, однако раскопки упомянутого могильника их опровергли. Р. Хаусманн изучал городище Тервете (вместе с А. Биленштейном).

После Первой мировой войны, с образованием Латвийской Республики, археологией занимались такие известные

люди, как Ф. Балодис, А. Карнупс, Р. Шноре, Е. Шноре, Х. Риекстинш, Е. Штурмс и др.

Большое внимание уделялось изучению городищ. В тот период велись раскопки в главных центрах Земгалы – Даугмале, Межотне. В годы войны раскопки археологических памятников прервалось, полученные результаты почти не публиковались.

В послевоенное время в связи с оживлением хозяйственной деятельности, возросли объем и масштаб раскопок памятников. На территории Земгалы работали археологи В. Уртанс, Е. Бривкалне, А. Стубавс, Й. Дайга, М. Атгазис и др.

Была проведена тщательная регистрация памятников, в результате чего выяснилось, что в латвийской части Земгалы находится 25 городищ и почти 50 могильников. Значительная часть этих памятников остается неисследованной.

Сразу же после войны начались раскопки самых известных городищ Земгалы или были продолжены ранее начатые. Е. Бривкалне вела раскопки городища Тервете, а позднее эти работы продолжил Ф. Загорскис. Й. Дайга вела раскопки городища и поселения Добеле (в 1952, 1956, 1959, 1977 г. г.), а также городища Камарде. В. Уртанс изучал городище Даугмале в 1966–1970 г. г., а М. Атгазис – городище Межотне (1969 г.).

Тем не менее, изучение городищ Земгалы не привело к созданию монографий и исчерпывающих публикаций.

Интенсивно исследовались и могильники. Так, в 1959 г. Я. Граудонис вел раскопки могильника Аграриешы, И. Циермане – в 1964 г. могильник Кайюкрог, М. Атгазис – Долес-Леяскивуги, в 1976 г. – могильник Кури. В 1976 г. Я. Граудонис изучал могильник Циемалде, и в это же время А. Цауне –

могильник Силини, М. Атгазис – могильник Терветес Аншкини. Я. Граудонис в 1977–79 г. г. – могильник Какужени (гора Миклас), в 1979 г. и в 1981 г. М. Атгазис вел раскопки могильника Балас-Шкерстайни. В 1982 г. были окончены раскопки могильника Добеле. В течение целых 17 сезонов М. Атгазис и В. Бебре вели раскопки могильника Дренгери-Чункани, который до сих пор остается наиболее изученным могильником во всей Земгале.

В 1984–1985 г. г. Я. Асарис проводил раскопки могильника Приедиши. В 1991 г. А. Вилка изучал могильник Русиши-Дебешы, а Я. Уртанс в 1992–94 г. г. – могильник Гайдяли – Видучи.

Обобщая все сказанное и сравнивая результаты исследования с аналогичными исследованиями памятников в части Земгалы, находящейся на территории Литвы, необходимо отметить, что о городищах и поселениях в Латвии известно несравнимо больше, чем в Литве. В Латвии изучены все 5 самых

Земгалы до V века н. э.

Географический обзор

Территории, на которых проживали земгалы, охватывают северную часть низменности срединной Литвы – бассейн рек Муши и Лелупе, а также низменность серединой Латвии. В ледниковый период эта территория была покрыта сплошным ледяным покровом. Находившийся здесь ледник таял спокойно и медленно, в результате чего образовалась равнина. Лишь на самом краю ледника образовался кряж типа морены длиной около 100 км, поднимавшийся над равниной на 20–30 м.

Данный район известен особенно хорошей почвой, однако из-за плохой проницаемости ощущается вредное

крупных городищ, а в Литве ни одного. Могильники на территории Земгалы изучены почти одинаково. Полученные материалы свидетельствуют, что в Латвии наиболее изученными являются V–VII в. в., поскольку больше всего изученных погребений относится к этому периоду. В Литве же более всего изучались захоронения IX–XI в. в. Как видим, материалы археологических исследований в Латвии до сих пор ждут монографического обобщения. О большинстве изученных могильников опубликована лишь краткая информация. В работах латвийских археологов остаются не рассмотренными отношения между культурами земгалов и куршей, земгалов и ливов. Остается неопубликованным обширный материал о могильниках XIV–XVII в. в., который мог бы дополнить зафиксированные в письменных источниках факты опустошения Земгалы в XIII в. и слияния ее жителей с формирующейся нацией латышей.

влияние сырости. Климат благоприятен для земледелия. Постоянно таявший ледник не создал условий для образования глубоких стремительных рек, полноводных озер. В то же время, здесь изобилие мелких речушек, медленно текущих по равнине и образующих бассейн Лелупе.

Каменный век

Следы людей в Восточной Прибалтике обнаруживаются начиная лишь с X тысячелетия до нашей эры. Находок и стоянок эпохи Палеолита в этой части Северной Литвы и Южной Латвии пока не обнаружено. В эпоху Мезолита здесь распространилась культура Кунды. Из этой области имеется несколько

отдельных изделий из кости и рога, которые датируются периодом мезолита (прим. 3: 4,5).

В период Неолита на указанной территории распространился западный вариант культуры Нарвы, однако следов поселений этого периода на интересующей нас территории не обнаружено. Главнейшими свидетельствами проживания людей остаются каменные топоры. Найдены и ладьевидные боевые топоры, датируемые поздним каменным веком и первой половиной бронзового века (прим. 4).

Бронзовый и ранний железный век

Земгала не богата памятниками и находками бронзового века. Не обнаружено ни поселений, ни захоронений этого периода. Имеются малочисленные и разрозненные находки. Большую их часть составляют топоры – с закрайнами восточно-балтийского типа, долбежные, втулчатые. Обнаружен клад, состоящий из бронзового топора проушного типа Галича, втулчатого топорика типа Меляра и миниатюрный кинжал (прим. 3: 1–3).

В этот период на территории Литвы и Латвии существовали две балтийские культуры – на самой западной окраине культура Курганов, а в восточной части указанной территории – культура Штрихоанной керамики. В южной части будущей Земгалы не обнаружено ни курганов западных балтов, ни памятников, характерных для культуры Штрихоанной керамики в восточной Литве. Правда, обнаружено несколько разрозненных черепков от керамики с штрихованной поверхностью. Недалеко от Жеймялиса Й. Шлявас обнаружил керамический горшочек (прим. 6), а в центральной Латвии А. Васкас обнаружил целых 12 мест нахождения

керамики с штрихованной поверхностью.

Мало известно о памятниках или отдельных изделиях, датированных ранним железным веком. В северной Литве памятников этого периода вообще не обнаружено. Поэтому ранний железный век в северной Литве остается практически неизвестным. На территории Латвии в некоторых городищах этого периода керамика с штрихованной поверхностью составляет почти 96,6 % всей керамики. Ясно одно, что эта территория, вероятнее всего, должна быть отнесена к западному варианту культуры Штрихованной керамики.

Древний железный век (I–IV в. н. э.)

В эпоху древнего железного века в северной Литве и южной Латвии умерших хоронили в курганах с каменными венцами. Теперь известно, что в южной Земгале было около 30 курганов, в которых начали хоронить примерно начиная со I в. н.э. В Латвии (на будущей территории земгалов) таких курганов насчитывается около 12. Курганы диаметром 8–18 м, высотой 0,75–1,10 м, обвиты каменным венцом, в них похоронены умершие не сожженные (прим. 7,8). Обнаружено от 2 до 28 погребений, однако нередко встречались погребения по 4–8 человек. Они лежат на спине со сложенными на груди руками, с вытянутыми ногами, чаще всего умершие ориентированы головой на Запад. Можно предположить, что их хоронили в гробах, с копьями, ножами, втулчатыми топорами, украшениями (прим. 9).

Сферу культуры курганов, вообще относят к жямайтам, земгалам, селам и латгалам которые, по мнению археологов, начали разделяться лишь около 350–450 г. г. н. э.

Культура земгалов в V–XII в. в.

Образование земгалов

Археологами установлено, что в V–VI в. в. в бывшей области курганов с каменными венками выделились три племени – жямайты в западной части ареала, севернее них – земгалы и северо-западнее земгалов – селы и латгалы. Земгалы, оказавшись как бы в середине, стали своеобразным объединяющим звеном между жямайтами и латгалами, по одним признакам культуры сближаясь с жямайтами, по другим – с латгалами. Время, когда грунтовые могильники совершенно заменяют курганы с каменными венками, археологи фиксируют как время образования земгалов.

Основным источником реконструкции культуры земгалов являются многочисленные и богатые материалы раскопок могильников.

Погребальный обряд

Известно, что духовная культура, образ жизни во всех балтийских племенах были одинаковыми. В то же время материальная культура в каждом из племен несколько различалась.

Поселения, образ жизни и обычаи земгалов как в северной части, так и в южной, идентичны. Было бы нецелесообразным искать различия между ними, поскольку это однородное племя, искусственно поделенное на две части на последнем этапе своего развития.

Земгалы хоронили умерших не сжигая, в грунтовых могильниках. Место для могильника было выбрано на небольшом холме недалеко от реки. Именно в этом месте захоронения продолжались на протяжении нескольких столетий. При раскопках наименее разрушенных погребений

установлено, что умершие захоронены рядами. Одно погребение от другого отделяет расстояние шириной 35–50 см. В Земгале, как и в других балтских племенах, в одном могильнике хоронили достаточно длительное время. Захоронения начались в V в. (хотя в некоторых менее разрушенных могильниках найдены остатки более древних курганов с каменными венками) и продолжались вплоть до XII–XIII в. в. Нередко в могильниках находят погребения и XVI–XVII в.в. При захоронении умерших придерживались очередности, то есть и мужчины, и женщины, и дети лежат друг возле друга. Традиции хоронить богатых в отдельном погребении не было (прим. 10).

Умершие захоронены на глубине 30–90 см, чаще всего глубина ям для взрослых достигала 40–45 см и для детей – 25–40 см.

Ямы рылись продолговатые размером 140x50 – 280x70 см. Обнаружено, что в V–VII в. в. чаще всего умерших хоронили не в гробах, а завернутыми в ткань. В VIII–XII в. в. некоторая часть умерших уже похоронена в гробах (прим. 11).

Одна из характерных черт образа захоронения земгалов – противоположная ориентация мужчин и женщин. В V–VII в. в. чаще всего мужчин клали головой на Юг – Юго-Запад. Женщины положены в противоположную сторону – на Север, Северо-Восток, Северо-Запад (прим. 12). В VII–VIII в. в. произошла перемена направления расположения умерших – если мужчины в V–VII в. в. были захоронены головой на Юг, то в VIII–XII в. в. они ориентированы головой на Север. Женщины наоборот. Ни ближайшие соседи курши, ни жямайты как будто не меняли

ориентацию своих умерших. По-видимому, во всей Земгале не существовало сколько-нибудь строго установленной ориентации умерших, и, тем не менее, ясно одно – был обычай хоронить представителей разных полов в разных направлениях. В течение сего периода умерших хоронили не сжигая, в положении на спине, с вытянутыми и плотно сжатыми ногами и сложенными на груди руками (прим. 13). Были найдены и двойные погребения – в одной яме обнаружены останки двух умерших. Небольшое количество таких погребений позволяет предположить, что это не было характерно для образа захоронения. В I и II тысячелетиях н.э. балтские племена старались хоронить умерших с обильным металлическим погребальным инвентарем. Существовала вера в загробную жизнь и в то, что в ней человеку понадобятся те самые вещи, которыми он пользовался.

По установившимся обычаям все положенные в погребение предметы имели свое место.

Погребальный инвентарь

Орудия труда

Эта группа погребальных находок является самой незначительной по сравнению с оружием или украшениями. В могильниках орудия труда составляют всего 6–20 % всех находок. В этом отношении земгалы ничем не отличались от других племен. По-видимому, клались только самые необходимые орудия труда.

Топоры

На территории Земгалы пользовались топорами двух типов: проушными и втулчатыми.

Втулчатые топоры не имели обуха, топориче вставлено в круглую втулку, лезвие короткое, топориче в форме крюка. Топоры, датируемые V–VII в. в., больше и тяжелее, чем в VIII–X в. в. Они были распространены по всей Восточной

Прибалтике, ими пользовались в течение всего I тысячелетия, а в Земгале еще и в начале II тысячелетия.

Проушные топоры найдены в Латвии и Литве. Исследователи считают их балтскими. Они появились наряду с втулчатыми и также использовались в течение всего периода железного века. Топоры этой формы чаще всего находили лишь в восточной части Земгалы.

Проушные топоры делятся на узколезвийные и широколезвийные. Узколезвийные топоры предназначены для работы, они наиболее часто встречаются на этой территории. Помимо упомянутых Литвы и Латвии, такие топоры найдены и в памятниках II–X в. в. в западной Белоруссии (прим. 22).

Значительно более редки для Земгалы широколезвийные топоры (прим. 23). Предположительно, такие топоры использовались не только в работе, но и в бою.

Ножи

Эта группа орудий труда самая многочисленная, и не только в Земгале. Все найденные ножи – черешковые, с деревянными рукоятками. Ножи двух видов – ножи с прямой спинкой, чаще всего встречающиеся в мужских погребениях, и ножи с согнутой спинкой – погребальный инвентарь, характерный только для земгалов и обнаруженный исключительно в женских погребениях.

По-видимому, ножи с прямой спинкой умершему клались без ножен, потому что каких-либо остатков ножен не обнаружено ни в одном из изученных погребений.

Пешни

Это – орудия для пробивания льда. Они втулчатые, по своему виду несколько напоминают втулчатые топоры. Это редкий инвентарь. Данные орудия труда, почти совсем не изменившись, применялись в течение всего железного века (прим. 24). Они

известны не только на земле земгалов, но и у жямайтов, селов, латгалов.

Женские орудия труда не очень разнообразны. Это уже упомянутые ножики с согнутой спинкой, мотыги, шилы, пряслицы, иглы. Самые многочисленные – ножики с согнутой спинкой. Они встречаются в двух формах – одни узкие, другие – пошире. Реже ножи такого типа находили на территориях проживания селов и в восточной части Жямайтии, однако, как уже было сказано, их предпочитали именно земгалы, здесь их больше всего. Они датируются VI–XII в. в., но в погребениях их становится больше начиная с VIII в. (прим. 25).

Следующее очень характерное для земгальской женщины орудие труда – *мотыги*. Все мотыги проушные, с незначительно расширяющимся лезвием, с деревянным топорищем (прим. 26). Помимо Земгалы, они найдены только в центральной и восточной частях Литвы, куда, по-видимому, пришел этот обычай из Земгалы. Погребения с этим инвентарем датируются V–X в. в.

Одно из самых распространенных женских орудий труда – *шила*. Шила проушные, рукоятки деревянные четырехугольные, верхушки заостренные (прим. 27).

Несмотря на то, что с древнейших времен женщины всех племен пряли и ткали, земгалок редко хоронили с пряслицем. Найденные пряслицы каменные и шиферные. Они обнаружены на всех территориях балтов в период всего железного века (прим. 28: 1–3).

Иглы – это универсальное орудие труда, однако в погребениях встречающееся не часто. По-видимому, в этот период еще не было обычая хоронить женщин с иглами. Весьма редкая находка – *каменные литейные формочки*, найденные в женских погребениях №135 (три) и 119

могильников Павирвите и Шукёняй. Они использовались для отливки мелких украшений из бронзы.

Оружие

Для части балтских племен I–XIII в. в. характерен обычай хоронить мужчин с оружием. Особенно много оружия обнаружено в погребениях земгалов V–XII в. в. Это можно считать одним из характерных признаков обряда захоронения земгалов.

Широкие боевые ножи-мечи – оружие, употреблявшееся исключительно балтскими племенами и особенно любимое земгалами. Их конец наискось обрезан, спинка прямая (прим. 31). Оружие такого типа появилось уже в VI в. и применялось вплоть до XI–XII в. в. Было распространено в землях земгалов, жямайтов и латгалов.

Длинные узкие боевые ножи более редки.

Ножи делились на две группы по признаку завершения рукоятки – с кольцом или без.

Ножи с кольцом на рукоятке (прим. 32) редки. Погребения датируются V–VII в. в. Наряду с земгалами, ими пользовались племена центральной Литвы.

Узкие длинные ножи без оковки рукоятки распространились на более широкой территории. Находки относятся к VI–VII в. в. вплоть до XI в. Такие ножи – прототип однолезвийного меча. Больше всего их обнаружено в Жямайтии на землях Скалвов, племен прусов. Несколько реже обнаруживались в Латгале. Шире всего распространились в Земгале. Погребения датируются VI–VII в. в. и X в.

Имеются боевые ножи другой формы – это ножи с прямой спинкой, со стороны лезвия заостряющийся клинок. Большинство исследователей эти крупные ножи также относят к *боевым ножам*. В погребениях земгалов их не

очень много, находки относятся к VI–VII в. в. и к XI в.

Мечи – имеются в количестве лишь нескольких отдельных экземпляров (как однолезвийные, так и двулезвийные). Мечи в погребения клались очень редко. Самые ранние мечи – однолезвийные и без поперечины на рукоятке (прим. 33). Таким образом, для погребений земгалов мечи не характерны, здесь их совсем заменили широкие боевые ножи-мечи.

Наконечники копий

Этот инвентарь – один из самых характерных для земгалов. Практически все мужчины похоронены с копьем, а часто и не с одним. Все копия земгалов, будь они втулчатые или черенковые, имеют одну отличительную особенность – у них отсутствует четкий переход от пера к втулке или черенке, отсутствует острая грань по середине пера, то есть перо плоское.

Втулчатые наконечники копий составляют абсолютное большинство найденных.

Больше всего – наконечников *иволистообразной* формы пера. Такие наконечники распространились от побережья Балтийского моря до балтийских памятников в верховье Днепра. Тем не менее, больше всего найдено таких наконечников копий на территориях проживания предков литовцев и латышей начиная уже с VII в. и до XII в. (прим. 34).

Лавролистообразная форма наконечников копий встречается реже, чем в форме листа ивы, однако такие перья шире. Эта форма наконечников распространилась во всем ареале балтских племен, за исключением самого южного угла, то есть мест обитания балтов на Днепре. Такие наконечники также были очень распространены в Земгале. Наряду с земгалами, ими пользовались жямайты, курши, латгалы, однако у соседей они обнаружены лишь

в погребениях VII–VIII в. в., а земгалы пользовались ими почти до XI в. (прим. 35). Надо сказать, что позднейшие наконечники несколько отличаются от ранних, классических. Их перья несколько уже, а втулки длиннее.

Более редки, по сравнению с предыдущими, наконечники копий с *ромбовидным* пером. В Земгале встречались два варианта наконечников этого типа – 1) наконечник с длинным пером и короткой втулкой, 2) наконечники с длинной втулкой и коротким пером. Наконечники первой подгруппы обнаружены лишь в погребениях VI–VII в. в. По классификации В. Казакавичюса, втулчатые наконечники копий с ромбовидным пером относятся к I подтипу. Чаще встречаются наконечники второй подгруппы. Они датируются VI–IX в. в. Втулчатые наконечники ромбовидной формы относят к III подтипу. Многочисленные их находки – в северной и западной Литве, а также в Латвии (прим. 36).

Наконечники копий с *профилированным* пером распространились почти во всей Прибалтике, различаясь формой. Наконечники такого типа относятся к V подтипу профилированных наконечников копий, датируемому VI в. В Латвии они найдены в погребениях, датируемых V–VI в. в. В южной Земгале – в погребениях VI–VII в. в. (Прим. 37).

Сравнительно немного наконечников копий с *узким длинным пером*. Обнаружены в погребениях X в. Такими наконечниками более богаты погребения Западной Литвы, там они найдены в погребениях X–XI в. в. На территории Латвии наконечники копий этой формы датируются позже – XI–XII в. в. Для Скандинавии, как и Латвии, они характерны в XI–XII в. в.

Ленточные наконечники копий характерны для всей Западной Европы, особенно популярны в Скандинавии. В

Земгале их находят редко, датируются X–XI в. в. Шире распространились в Пруссии, в западной и восточной частях Литвы. Часть наконечников имеет орнамент на втулке. Наконечники с орнаментом – импортные, попали сюда из скандинавских краев и датируются IX–XI в. в. (прим. 38).

Как уже было сказано, *черенковые наконечники копий* использовались значительно реже, чем втулчатые, они составляют лишь 6–8 % всех наконечников. Все они одинаковы – с перьями иволистообразной формы (прим. 39). Самые ранние датируются VI–VII в. в., поздние – X–XI в. в. Гораздо больше черенковых наконечников копий обнаружено в погребениях латгалов VII–IX в. в.

в. Украшения

Земгалы любили украшаться. Поэтому в их погребениях найдено много украшений. Они носили украшения, для изготовления которых применялась и более сложная технология – бронзовые части украшений покрыты пластинками из серебра или олова, а они, в свою очередь, украшены стеклянными глазками и др. Наряду с обычными, во множестве найдены и украшения, носившиеся очень редко, выделяющиеся своей формой и декором. Обнаружены настоящие шедевры ювелирики – единичные экземпляры, более не встречавшиеся не только в Земгале, но в других балтийских землях. Есть украшения, которые можно найти только в нескольких единицах или нескольких десятках экземпляров, рассыпанных по всей территории балтов. Интересно отметить, что все найденные украшения – труд местных ювелиров, может быть, некоторые из них сделаны по импортным образцам, но с использованием своего балтского стиля и орнамента.

У земгалов не было своего особого стиля. Для них был характерен тот же

орнамент, что был привычен для всех племен балтов. Преобладает геометрический узор. В V–VI в. в. под влиянием переселения народов возникает и зооморфный мотив. Животные изображены очень реалистично, что было характерной чертой этого времени. Прежде всего использовались образы водных птиц – утки и гусочки украшают арбалетовидные фибулы, поверхность подвесок, ободок питьевых рогов. По-видимому, водные птицы выбраны не случайно. Трехмерное представление о вселенной соответствует образу жизни водных птиц (ходит по земле, плавает в воде, летает по воздуху). Наряду с водными птицами стали изображаться и пресмыкающиеся – змеи-ужи. В других племенах зооморфный орнамент применялся для декорирования подковообразных фибул и браслетов. Такого типа фибулы и браслеты в Земгале редки. Отдельные предметы украшены в стиле, пришедшем из Скандинавии, – *borge* или *jelling*.

Головные уборы

Женщины очень любили украшаться головными венками. Головной венок – это металлический венок, окружающий голову в области лба и напоминающий корону. В Земгале, где находки головных венков сравнительно многочисленны, ими украшались девушки из более богатых и потому из более знатных семей.

Найденные материалы позволяют сказать, что в Земгале носили головные венки трех типов. Кроме головных венков, носили спиральные венки и полоски, украшенные бронзовыми сережками.

Уборы первого типа изготавливались из 2–5 рядов спиралей и узких соединяющих их пластинок. Женщины носили 3–5 рядов спиралей. Такие же венки носили женщины из племен жямайтов, селов и латгалов с V по XI в. в.

Часть головных венков имела пластинки с поперечным сечением не прямоугольной, а Т-образной формы. В Земгале имеются лишь единичные экземпляры головных венков такого типа. Они были самыми популярными в Жямайтии, их носили в V–VII в. в.

Венки второго типа изготавливались из 9 или 10 прямоугольных бронзовых пластинок. В пластинках имеются 3 отлитые поперечные отверстия для продевания ниток. Чаще всего соединены лишь 2 ряда спиралей – один сверху, другой – снизу. Такие венки имеют до 5,5–6,2 см в ширину и тяжелые (прим. 40). Обращает на себя внимание то, что нередко в погребении рядом с венком, сделанным из 9 таких пластинок, положена еще одна – 10-я, как бы дополнительная. Возможно, дополнительная пластинка означает, что головной венок, сделанный для маленькой девочки, в будущем мог быть увеличен.

Распространение головных венков, изготовленных из прямоугольных пластинок, свидетельствует о том, что ими украшались и в Земгале, и в соседней Жямайтии. Такие венки найдены в погребениях VI–VII в. в., иногда их еще носили и в начале VIII в.

В IX–XI в. в. женщины украшались головными венками, изготовленными из нескольких параллельных, разделенных на группы, спиралей, соединенных между собой тонкими жестяными пластинками. Они сделаны так, что обхватывают все перевитые ряды и не дают им спутаться. Их концы с пластинками на концах соединяются изнутри головного венка. Подобные венки не имели большого распространения. Они обнаружены в латгальских погребениях X–XIII в. в.

Помимо рассмотренных типов головных венков, на всей территории Земгалы были найдены венки, изготовленные из одной длинной

бронзовой спирали. Они нравились и латгалам. На территории Литвы, наряду с женщинами племени земгалов, такими венками любили украшаться и жямайтские женщины. Некоторые венки заканчивались на затылке шестью висячими бронзовыми цепочками с бубенцами на концах (прим. 44).

Помимо венков, женщины украшали голову и другими металлическими украшениями: бронзовой цепочкой, шапочкой или головной полоской.

Украшения шеи

Эту группу украшений составляют *гривны* и *бусы*. Земгалам нравились гривны, причем различной формы. Тем не менее, похоронена с гривнами лишь небольшая часть умерших. Гривны носили в течение всего периода, начиная с V в. и до XII в. Однако носили неравномерно – реже встречаются гривны в погребениях VI–VII в. в. и чаще – в VIII–XII в. в. Кроме этого, в VI–VII в. в. чаще хоронили только с одной гривной, а в погребениях IX–XII в. в. обнаружены погребения с 2–3 и даже 4 гривнами.

Широко распространились гривны с *крючком* и *петелькой*. Они были обнаружены во всех без исключения могильниках земгалов (прим. 46). Ими украшались земгалы, жямайты, курши, скалвы, аукштайты, латгалы. Их особенно любили носить в IX–X в. в., а отдельные наиболее нарядные носились и в XI в. Можно утверждать, что это характерный для земгалов тип гривны, и в другие племена он, по-видимому, проник из этого края.

Гривны с заходящими утолщенными концами. Этот тип гривен характерен для Западной и Северной Литвы, а в Латвии встречается исключительно на территории проживания земгалов. Их носили, начиная с V–VI в. в. вплоть до XI в., но более всего любили носить в VIII–IX в. в. (прим. 47).

Гривны с перехватами носили в Земгале довольно редко. Гривны такого типа датируются стыком VI–VII в. в. Больше всего их найдено в Латвии, причем именно на землях земгалов и латгалов (прим. 48: 3).

Гривны с седловидными концами относятся к типу гривен, которые нравились земгалам. Их носили в VII–XI в. в. Ими также украшались селы, литовцы, аукштайты, реже – жямайты и курши. Немало их и в Латгале, их находят также в Эстонии (прим. 49).

Гривны с заходящими четырехугольными концами – также любимое украшение земгалов. Их начали носить в VIII в. и особенно активно – в X–XI в. в. Гривны этого типа характерны и для латгалов, реже были обнаружены и за пределами Восточной Прибалтики – в северо-восточной Белоруссии (прим. 50).

Гривнами с костылевидными концами украшались в IX–XI в. в., больше всего их обнаружено на землях проживания земгалов и селов, реже их носили литовцы, жямайты, курши и латгалы. Их находят и дальше на востоке вплоть до верхнего Приднепровья (прим. 48: 1,2).

Витые гривны с конусовидными концами на территории земгалов обнаруживаются редко, они больше распространены в восточной Литве и Латгале. Их носили в VIII–XI в. в.

Реже украшались витыми гривнами с петельными концами (прим. 52: 1). Их носили в X–XII в. в., они очень нравились куршам.

Носили и составные гривны, когда 3–4 гривны соединялись более мелкими костылевидными концами. На концах с перехватами и по середине они соединены между собой тонкими пластинками (прим. 52: 2,3). Таких гривен известно немного. Все они найдены в женских погребениях X–XI в. в.

Бусы

Обычая украшаться бусами в Земгале

не было, бус найдено немного. Лишь в редких случаях в мужских, женских и детских погребениях было найдено по 1–2 бусинке, которые носили как амулеты. Значительная часть находок – бусы янтарные, меньше найдено бус стеклянных и глиняных.

Нагрудные украшения

Большую группу украшений составляют украшения нагрудные – фибулы и булавки. Здесь фибулы носили только мужчины, а булавки – женщины. Лишь в очень редких случаях для застегивания мужской одежды употреблялась булавка, а женской – фибула.

Обычай мужчинам украшаться фибулами, а женщинам – булавками является одним из признаков древней культуры земгалов, это также общий признак культуры жямайтов и куршей. Чаще всего различается лишь их расположение в погребении.

Земгалы носили *фибулы* разных форм. Рассмотрим их по группам – начиная с арбалетовидных, продолжая – подковообразными, затем – пластинчатыми (круглыми и крестовидными).

Арбалетовидные фибулы распространились в Восточной Прибалтике в III в. – нач. IV в. и употреблялись почти до XI в. Они были очень разнообразны, поэтому их подразделяют на подгруппы в зависимости от формы ножки. В V–IX в. в. они были характернейшим мужским украшением.

Самой ранней находкой в погребениях земгалов считаются арбалетовидные фибулы с подогнутой ножкой. Фибулы небольшие, совсем не украшены (прим. 54: 1–3). Их носили в центральной и восточной Европе.

Арбалетовидные фибулы с длинной ножкой часто находили в погребениях V–VI в. в. (прим. 54: 4,5). Такими фибулами украшались племена балтов на

территории Литвы, Латвии и Восточной Пруссии. Широко распространившись в Западной Европе, отсюда через прусские племена, фибулы достигли восточного побережья Балтийского моря.

Арбалетовидные совообразные фибулы значительно наряднее, редко, но обнаруживаются и на землях земгалов (прим. 65). Датируются VII–IX в. в.

Арбалетовидные фибулы, украшенные стилизованной звериной головкой – довольно редкая находка. 3 совсем разные фибулы были найдены в Яунейкяй. В погребении № 381 – фибула небольшая, конец ножки заостряется и заканчивается стилизованной мордочкой животного с двумя отростками – ушками, датируется VI–VII в. в. (прим. 55: 4).

Фибула из погребения № 390 имеет даже 2 звериные головки. Несмотря на длину – 14,5 см, она выглядит легкой и изящной, длинная ножка – утиная головка – с чуть расплюснутым клювом, а конец стрежня фибулы поверх спирали – головка ужа. Обе головки вполне реалистичны. Погребение датируется VI в. (прим. 55: 5).

В погребении № 466 обнаружена фибула с головкой в виде «маковой» коробочки. В середине ободка проходит острая продольная борозда, ножка рубчатая и заканчивается мордочкой животного, скорее всего – ужа. Погребение датируется VII в. (прим. 55: 3).

До последнего времени арбалетовидные фибулы, украшенные стилизованной звериной головкой, на территории Литвы археологи находили почти исключительно в приморских районах, они датируются, в основном, VIII–IX в. в. Найденные в этом могильнике фибулы со звериной головкой являются одними из самых ранних фибул этого типа на территории Литвы, их «звериные головки» более реалистичны, чем на поздних фибулах, которые носили

жители приморья. Немного фибул этого тип и в латвийской части Земгалы.

Арбалетовидные фибулы с тесловидной ножкой также носились земгалами (прим. 55: 6,7). Обнаружены в погребениях VII–VIII в. в. Фибулы этого типа в изобилии находят в местах проживания земгалов, жямайтов, аукштайтов, в Литве отдельные экземпляры найдены и на территориях других племен. Они также датируются VII–VIII в. в. В Латвии они обнаружены лишь в Земгале.

Арбалетовидные перекладчатые фибулы бывают двух типов – ранние и поздние. Ранние – это открытая спираль, поздние фибулы закрытые. Ножка фибул первого типа имеет 2 витки, один из них короче (прим. 56: 1, 2). Они датируются VI–VII в. в. Наряду с земгалами, фибулами этого типа украшались жители средней и западной Литвы. Много их находят и в восточной Пруссии.

Арбалетовидные перекладчатые фибулы с закрытой спиралью – более поздние. Их дужка и спираль становятся плоскими. «Витки», ступеньки одинаковые, покрыты пластинками из белого металла, украшены выпуклыми сережками. Такие фибулы носили в IX–XI в. в. Они были распространены на той же территории, что и фибулы первого типа, кроме того, их находят и в Занеманье. Арбалетовидные перекладчатые фибулы широко распространились и в южной Латвии.

Арбалетовидные фибулы с головками в виде маковой коробочки – самые многочисленные из всех арбалетовидных фибул. Они обнаружены во всех могильниках земгалов. Концы спиралей этих фибул украшают сплюснутые «маковые головки». Ближе к концу ножки есть два нижних отростка (прим. 57). Фибулы массивные, датируются VIII–X в. в. Похожие украшения были

у жямайтов, латгалов и селов, а курши носили более крупные и широкие арбалетовидные фибулы с головками в виде маковой коробочки.

Следующая многочисленная группа фибул – *подковообразные* фибулы. Они распространились в Восточной Прибалтике в к. VIII в. – н. IX в. и были очень любимы куршами. Их соседи земгалы стали их носить в IX в. и особенно – в X в. Подковообразные фибулы разделяются на несколько групп в зависимости от завершения конца дужки. Земгалы украшались подковообразными фибулами всех типов – с окончаниями цилиндрическими, многоугольными, четырехугольными, утолщенными, в виде маковой головки, звездообразными, со стилизованной звериной головкой (прим. 58, 59).

Подковообразные фибулы на территории Литвы стали носить в VIII–IX в. в., особенно много – в X–XII в. в., они были модными до XV–XVI в. в. Подковообразные фибулы носили во всей восточной Прибалтике, средней России, Германии, Скандинавии.

Булавки

Это самая многочисленная группа украшений. Для украшения и застегивания одежды булавки использовали женщины, в редких случаях они обнаружены в мужских и детских погребениях. Очень часто в женских погребениях находят две булавки, соединенные длинными цепочками. Иногда в ушко булавки цепляли подвески.

Носили булавки нескольких форм: посоховидные, с трубковидной, треугольной головкой, кольцевидной, крестовидной, овальной, ажурной головкой.

Большинство посоховидных булавок железные, за исключением нескольких бронзовых. Посоховидные булавки носили все балтские племена с I тысячелетия н.э. до XII в. (прим. 60).

Булавки с трубковидной головкой

датируются V–VII в. в., делятся на две подгруппы. У одних из них поверхность головки ровная, у других – на поверхности есть большая или меньшая полукруглая «шапочка». Часто находят парные булавки, у которых головки с ровной поверхностью украшены врезанным крестом (прим. 61: 4–6). Головка в форме полукруглой «шапочки» также украшалась двойным крестом (прим. 61: 1–3). Наряду с земгалами, такими булавками украшались жямайты и очень редко – аукштайты. Их одиночные находки обнаружены на землях ятвягов и ливов. Они были известны в Эстонии и Финляндии. В Латвии обнаружены на территории проживания земгалов.

Булавки с треугольными головками бывают 3 видов. Первые длиной 10,5 см, головка шириной 2,3 см, без ушка. Отверстие для прикрепления цепочки вылито в расширении иглы, ниже головки. Булавки этой формы редки, они обнаружены почти исключительно на территории проживания земгалов, датируются началом V–VI в. в. (прим. 62: 1,2).

Булавки с треугольной головкой с плоскими круглыми пластинами на углах головки также редки. Они датируются VIII в. (прим. 62: 4–6).

Булавки с треугольной головкой с шариками на углах более часты. Датируются VIII–IX в. в. Широко распространились по всей Земгале, реже – за ее пределами. Иногда они встречаются у жямайтов, селов. Единичные экземпляры известны и в Эстонии (прим. 62: 7–9).

Булавки с кольцевидной головкой также в изобилии обнаружены в могильниках земгалов. Датируются VIII–X в. в., но чаще всего их находят в погребениях VIII–IX в. в. Наряду с земгалами, ими украшались жямайты, селы и латгалы (прим. 63).

Одни из самых многочисленных – крестовидные булавки. Они и разнообразнее, образуют целых 5 групп. Самые ранние крестовидные булавки изготовлены из 5 круглых пластин (прим. 64: 4,5). Такие булавки в Земгале редки. Ими также украшались женщины в Жямайтии в IV–V в. в.

Следующую группу крестовидных булавок составляют булавки с ромбическим сквозным прорезом в центре головки (прим. 65: 7–8). Обнаружены в погребениях VI–VII в. в. Такие булавки носили, в основном, женщины в Земгале и Жямайтии. В Латвии они обнаружены исключительно в погребениях земгалов.

Крестовидные булавки с головками в форме полушария на углах по виду напоминают предыдущие. Головки украшены бороздками, образующими крест, поверхность головки – насечками. Одновременно со сквозными крестовидными такие булавки распространились на этой же территории (прим. 65: 5,6).

Четвертую группу крестовидных булавок составляют небольшие крестовидные булавки с короткой крестовиной, концы которой оканчиваются маленькими сплюсненными с другой стороны шапочками. Ими украшались только в Земгале и Жямайтии. Они более поздние по сравнению с уже упомянутыми – датируются VIII–IX в. в. (прим. 66).

Пятую группу крестовидных булавок составляют булавки со сплюсненными пластинками на концах креста. Их самое большое количество. Часть головок покрыта серебром, другие – украшена насечками из концентрических кругов. Обнаружены в погребениях VII–IX в. в. Ими украшались представительницы земгалов, жямайтов, иногда куршей, а также латгалов, по отдельности обнаружены и в Эстонии (прим. 65: 1–4).

Часть пластинок таких булавок украшена высоким выступом (прим. 67). Такие булавки характерны для многих куршей, носивших их в IX–X и XI в. в. Известны и такие крестовидные булавки, не с круглыми пластинками на концах креста, а почти в форме ромба (прим. 64: 2,3). Датируются X–XI в. в.

Значительно реже, чем выше упомянутые, носили булавки с ажурными головками.

Розетковидные булавки до сих пор пока известны только из Земгалы. Длина булавок 19 см, ширина – 5 см, найдены в погребении, датированном XI в. (прим. 67).

Подвески

Большинство булавок носили с подвесками. Особенно нравились в изобилии найденные подвески в форме полумесяца. Такие подвески, в зависимости от завешения нижнего края, делятся на три группы.

К первой группе относятся подвески с ровным нижним краем (прим. 62: 9, 66: 4–5). Чаще всего их находят в погребениях VII–VIII в. в. К другой группе относятся подвески с 3 небольшими отростками и петельками для цепочек, к которым цепочки и прикреплялись (прим. 65: 5–6, 66: 1–2). Они найдены в погребениях VI–VIII в. в.

Третью группу образуют подвески с длинными отростками (прим. 65: 3,4). Они обнаружены в позднейших погребениях и датируются VIII–XI в. в. Те или иные подвески в форме полумесяца найдены во всех без исключения могильниках земгалов. Их носили и женщины племени жямайтов, реже – латгалов.

В погребении № 464 в Яунейкяй была найдена единственная в этом регионе составная подвеска (прим. 64: 5). Нижний край подвески украшен 8 фигурками водных птиц. Птички словно стоят на одной ноге, повернувшись

правой стороной. Все пластинки подвески покрыты серебром (прим. 64: 5).

Помимо указанных, украшались подвесками в форме буквы W, во внутренние петельки прикреплялись цепочки. Обычно к таким подвескам прикреплялись 2 ряда цепочек – внутренняя короткая, внешняя – длиннее (прим. 64: 2,3, 67: 3). Такие подвески в Земгале были довольно редкими. Они датируются X–XII в. в.

Украшения для рук

Эту группу украшений составляют браслеты и перстни.

Браслеты в изобилии найдены во всех изученных могильниках. Они достаточно разнообразны, можно выделить почти 7 их типов: 1) лентообразные, 2) с высоким трехгранным ребром, 3) манжетообразные, 4) с утолщенными концами, 5) спиральные, 6) массивные, 7) с концами, стилизованными под звериную головку, и почти в каждом из них еще выделяют несколько подгрупп.

Представительницы земгалов любили лентообразные браслеты. По срезу ободка они делятся на 3 подгруппы: трехгранного, прямоугольного и полукруглого сечения. Самые редкие – с ободком прямоугольного сечения. Браслеты всех трех форм носились вместе и найдены в одном могильнике (прим. 68: 1–3), широко употреблялись в V–VI в. в., реже носились и в VII–VIII в. в. Ими украшались в западной, средней, восточной и северной Литве. В Латвии они обнаружены на территории проживания земгалов, куршей, латгалов.

Браслеты с трехгранным выступающим ребром носили только женщины, посередине есть трехгранное выступающее ребро высотой 1–2 см. Украшены орнаментом (прим. 69: 1–3). Ими украшались только женщины земгалов и жямайтов в V–VI в. в.

Также только женщины украшались манжетообразными браслетами. Концы браслетов покрыты орнаментом (прим. 69: 4–6). Их носили представительницы земгалов, жямайтов и латгалов в VII–VIII в. в.

Браслеты с утолщенными концами – мужские (прим. 69: 5–6). Земгалы ими украшались в V–VI в. в. Помимо них, браслеты носили жямайты, курши, скалвы и другие балтские племена. Здесь они продержались дольше – до VIII в. или даже до начала IX в.

Самые многочисленные спиральные браслеты. Они разного размера – от 2–3 до 15 спиралей (прим. 70: 1–4). В Земгале их носили в VII–XI в. в. Были распространены в западной, северной, средней Литве, а в Латвии обнаружены на местах проживания земгалов, латгалов селов. В мужских погребениях найдены массивные спиральные браслеты. Они изготавливались из полоски трехгранного сечения с заостряющимися концами, обычно лишь из 3 спиралей. Такие браслеты особенно характерны для VIII–X в. в., а есть браслет, найденный в Шукёнай в погребении XI в. в. (прим. 70: 5–6).

Массивные браслеты носили только мужчины, их совсем немного. Они были двух типов: так называемые, «война» и обычные. Браслеты «война» в поперечном сечении – в форме трапеции с расширяющимися концами, соприкасающимися друг с другом (прим. 71: 1–2). Такие браслеты в Литве редки. Погребения датируются X–XI в. в. В Латгале, наоборот, браслетов «война» было обнаружено больше всего.

Другие массивные браслеты – все разные (прим. 71: 5–6).

Браслеты со звериными головками на концах не особенно нравились земгалам. Они найдены лишь в могильнике Павирвите в женских погребениях (прим. 72). Погребения датируются XI в.

Перстни

Обычай украшать руки перстнями не был популярен у земгалов. Перстни составляют лишь 2,3–3 % всех находок. Чаще всего носили спиральные перстни, скрученные их треугольной, полукруглой или круглой проволоки или узкой полоски (прим. 73), найдены спиральные перстни с загнутыми и свитыми крайними спиральями (прим. 73: 6,7). Несколько большее количество перстней в погребениях XII–XIII в. в.

Другие находки

Вещи всадника и коня

В отличие от других балтских племен (аукштайтов, литовцев, жямайтов и прусов), земгалы не хоронили умерших с конем. Очень редко вещи всадника или коня обнаруживаются в мужских погребениях земгалов. Все найденные удила – железные (прим. 74). Погребения с удилами датируются VIII–XI в. в. Вообще, части сбруи коня и принадлежности всадника – редкие находки в могильниках земгалов, находящихся в Латвии. В этом аспекте обычай земгалов очень похож на обычай латгалов, селов, у которых этот инвентарь также почти не обнаруживается.

Редкая находка и шпоры. Обычно носили по 1 шпоре, чаще всего на левой ноге. Изготавливались они из железа или из бронзы. Нарядными считались бронзовые шпоры (прим. 75: 7–8, 10). Найденные в погребениях X–XI в. в. бронзовые шпоры могли принадлежать мужчинам из племени куршей.

Питьевые роги

Обычай класть в погребение роги для питья замечен на территории Литвы с III в. В VIII–IX в. в. этот обычай распространился по всей территории Литвы, хотя и с разной интенсивностью. Как заметили исследователи, около 30 % куршей похоронены с рогами для питья, между тем жямайтов – едва 2–3 %.

Похожая ситуация и в Земгале, только 2 % умерших похоронены с питьевыми рогами. Такие погребения датируются VIII–XI в. в.

Пинцеты

С пинцетом умершего также хоронили редко. Это характерно для всей территории Литвы. Обычно в могильнике, где находится несколько сотен погребений, с пинцетом похоронены лишь несколько умерших. Уже этот факт позволяет предположить, что пинцет – это не только бытовой инструмент, но и предмет, связанный с обрядами, магией или колдовством (прим. 76: 3–5).

Огнива

Огниво – это приспособление для добывания огня. Для этого были необходимы кусочек кремня, очень горючий материал (хорошо высушенный ясень или береза) и железное огниво. В могильнике, где находится 200, 300 или даже 500 погребений, огнив бывает лишь 1–2 штуки. Это характерно для всей территории Литвы, в том числе и для Земгалы. Судя по находкам в могильниках Литвы, железным огнем стали пользоваться с X–XI в. в.

Пояса

Сразу заметим, что в Земгале очень редко хоронили умерших, опоясанных кожаными ремнями с металлическими оковками. Лишь около 2 % умерших похоронены опоясанные ремнем. Довольно редко, но встречаются ремни, вся поверхность которых или только часть ее покрыта продолговатыми или квадратными бронзовыми оковками. Умерших, опоясанных ремнями, гораздо чаще хоронили курши и жямайты. По-видимому, земгалы предпочитали носить тканые пояса.

Остатки обуви

Некоторая часть умерших, по-видимому, была похоронена в кожаной обуви. Остатки обуви найдены в нескольких мужских и – реже – женских

погребениях. Часто рядом с голенищем еще находят и бронзовые застёжки. Обувь украшали бусинками в области предплюсны или у самого верха. Обычай украшать мужскую обувь с левой ноги в области предплюсны, характерен для VIII–IX в.в., иногда встречается до XI в. Интересно именно то, что чаще всего украшалась обувь только с левой ноги. Кстати, шпора также чаще всего встречается на левой ноге.

Весы и гири

Весы и меры веса появились в погребениях лишь середины и второй половины X в. во всей восточной Прибалтике. Исследователи считают их

погребениями купцов. Весы украшены орнаментом. Украшены концы плечиков, тарелочки. Часть весов найдена в нарядных бронзовых ящичках (прим. 78). Ящички в форме сплющенного шара, изготовлены из тонкого листа бронзы, с более-менее выпуклой крышкой.

Гири обнаружены в гораздо большем количестве – одна-другая всегда была почти во всех могильниках земгалов. Они бывают разной формы – в форме двойного срезанного конуса, продолговатые, это даже могла быть головка бывшей в употреблении арбалетовидной фибулы или бронзовые шарики с одним приплюснутым краем.

Особенности культуры земгалов и территория

Рассмотрев обычаи, образ захоронения и инвентарь, можно попытаться обобщить основные различия между земгалами и другими балтскими племенами, выяснить, какие черты присущи большинству из них, какие – лишь нескольким племенам, а какие являются собственно земгальскими.

Первая и особенно яркая черта земгалов – захоронения не сожженных умерших. Другая характерная для этого племени черта образа захоронения – противоположная ориентация умерших. Только в Земгале отмечены изменения направления захоронения, они проявились в VII–VIII в.в. Земгалы не хоронили вместе с умершим коня, как это делали жямайты, литовцы или аукштайты. В этом отношении земгалы ближе латгалам. Земгалы не клали в погребение ни сбрую коня, как это делали курши, хотя и они тоже самого коня не хоронили, ни вещей всадника, как это делали аукштайты. Этот обычай также сближает земгалов и латгалов.

Изобилие инвентаря – следующая

особенность, впрочем, характерная и для соседних племен куршей, латгалов и жямайтов. Но здесь наблюдается очень своеобразный порядок размещения вещей в погребении и их состав, в этом отношении племена земгалов и соседних племен различаются. Одним из признаков различия является обилие оружия в погребении. Неиспользованные багорные копья, которые предпочитали курши. Мечи земгалов также были своеобразные по форме. Самые ранние – узкие длинные боевые ножи, иногда с кольцом на рукоятке, позже их сменили широкие боевые ножи-мечи. Не прижились здесь и двулезвийные мечи. Широкими боевыми ножами – мечами пользовались жямайты и латгалы. Но у земгалов был свой порядок расположения этого оружия в погребении. Его клали поперек ног или тазовых костей.

Этнические сходства и различия подчеркивает такой инвентарь, как топор. Земгалам был известен обычай класть топор в могилу. Тем не менее,

мужчин с топором, начиная с VII в., хоронили значительно реже, чем в Жямайтии.

Еще один характерный для земгалов инвентарь – мотыга. Пока что их находят только на этой территории, но в отдельных случаях – и в восточной и центральной Литве. Поэтому смело можно утверждать, что этот инвентарь – характерен для земгалов. У земгалов были и особые ножики с согнутой спинкой. Очень редко хоронили с пряслицами. Помимо этого, орудия труда в погребениях земгалов находят намного реже, чем у других племен.

Некоторые черты культуры земгалов отражают и положенные в погребения украшения. Женщины всех племен украшали голову металлическими украшениями. Только у земгалов и жямайтов женщины носили головные венки из больших бронзовых пластинок, соединенных короткими спиралями. Этот обычай сближает женщин обоих племен. Только у первых была одна деталь – на макушке повыше венка они носили крупные спирали. Представительницы земгалов и латгалов не украшали шапочки или их края металлическими сережками, в отличие от любивших это делать представительниц жямайтов, куршей и скалвов. Правда, изредка здесь находят шапочки или головные повязки, украшенные бронзовыми бусинками.

В Земгале не сложился обычай украшаться бусами. Обычно носили по одной – две бусинки в качестве амулета,

так же делали и в Латгале. Однако очень нравилось украшаться гривнами.

В Земгале, как и в Жямайтии, ммужчины и женщины для застегивания одежды использовали различные украшения. Мужчины застегивали одежду фибулами, женщины – парами булавок.

Браслеты – это тоже украшение, в которых запечатлется культура племени. Конечно, часть их является характерной для большинства балтских племен, другая – для того или иного племени. Женщины земгалов предпочитали браслеты с выступающим ребром. Наряду с ними, браслетами этой формы украшались представительницы жямайтов, реже – аукштайтов. Манжетообразные браслеты были популярны у женщин племени земгалов, жямайтов и латгалов. А вот массивные браслеты и так называемые «война» были характерным украшением у земгалов и латгалов. Браслеты со звериными головками на концах предпочитали представительницы куршей, но иногда их носили и в Земгале.

Перстни не были популярны у земгалов, в отличие от куршей. Не было обычая хоронить умерших опоясанных кожаным ремнем. Поэтому в погребениях нечасто находят пряжки или другие металлические части от ремней. По этому признаку земгалы отличаются от жямайтов и особенно куршей. Немного ремней и в погребениях латгалов.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Территории Земгалы.
2. Находки каменного и бронзового веков: 1–3) клад Вашкай – бронзовый проушный топор, топор типа Меляра, шило, 4–5) роговые наконечники.
3. Ладьевидный боевой топор из Гуостагалиса.
4. Бронзовый топор с закрайнами из Линкувы.
5. Блюдечко из Шакини.
6. Бярчюнай. План кургана № 62.
7. Бярчюнай. Каменный венок *in situ* кургана № 62.
8. Бярчюнай. Курган № 60, погребение № 1. Комплект находок.
9. Могильники земгалов.
10. Количество мужчин, женщин и детей в некоторых могильниках земгалов.
11. Остатки деревянного гроба. № 1 в Стунгяй.
12. Мужская и женская ориентация по отношению к частям света.
13. Наиболее часто встречающееся положение умершего при захоронении.
14. Шукёняй, п. № 69, Яунейкяй, п. № 123.
15. Стунгяй, муж. п. № 9, Яунейкяй, муж.п. № 113, 260, 200.
16. Яунейкяй, п. № 390.
17. Стунгяй, п. № 25, Яунейкяй, п. № 439.
18. Яунейкяй, п. № 414, 349.
19. Яунейкяй, п. № 124.
20. Павирвите, п. № 138.
21. Втулчатые топоры. Яунейкяй. 1) п. №454, 2) п. № 2, 3) п. № 390, 4) п. № 60, 5) п. № 58, 6) п. № 76, 7) п. № 370, 8) п. № 341.
22. Прушные узколезвийные топоры. 1) Шукёняй, случайн. 2) Яунейкяй п. № 78, 3) Яунейкяй, случайн.
23. Широколезвийные проушные топоры. 1) Шукёняй, п. № 54, 2) Скейряй-Вадагяй, случайн., 3) Рудишкяй, случайн.
24. Пешни Яунейкяй, 1) п. № 284, 2) п. № 344.
25. Ножи с согнутой спинкой. 1–2) Яунейкяй, п. № 144, 82, 3–4) Шукёняй, п. № 111, 129, 99, 6–8) Стунгяй, п. № 7, 5, 25.
26. Мотыги. 1) Яунейкяй, п. № 141, 2) Яунейкяй, п. № 65, 3) Яунейкяй, случайн., 4) Стунгяй, п. № 25.
27. Шила. 1) Шукёняй, п. № 104, 2) Шукёняй, п. № 127, 3) Шукёняй, п. № 99, 4) Шукёняй, п. № 111, 5–6) Шукёняй, п. № 129, 7) Стунгяй, п. № 25.
28. Орудия труда. Пряслицы: 1) Стунгяй, случайн., 2) Павирвите, п. № 144, 3) Павирвите, п. № 135. Каменные литейные формочки: 4) Шукёняй, п. № 119, 7–9) Павирвите, п. № 135. Иглы: 5) Шукёняй, п. № 119, 6) Яунейкяй, п. № 58.
29. Павирвите, п. № 135.
30. Павирвите, инвентарь п. № 135.
31. Широкие боевые ножи. 1) Яунейкяй, п. № 351, 2) Стунгяй, п. № 24, 3) Шукёняй, п. № 41, 4) Яунейкяй, п. № 43, 5) Яунейкяй, п. № 113.
32. Боевые ножи с кольцом на рукоятке. 1) Яунейкяй, п. № 371, 2) Яунейкяй, п. № 390, 3) Яунейкяй, п. № 447, 4) Яунейкяй, п. № 443.
33. Мечи и боевой нож из могильника Павирвите: 1) п. №27, 2) п. № 145, 3) п. № 18.
34. Втулчатые наконечники копий иволистообразной формы пера. 1) Яунейкяй, п. № 311, 2) Шукёняй, п. № 25, 3) Шукёняй, п. № 25, 4) Стунгяй, п. № 24, 5) Стунгяй, п. № 24, 6–7) Яунейкяй, п. № 344.
35. Втулчатые наконечники копий

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- лавролистообразной формы пера. 1–2) Яунекяй, п. № 466, 3) Шукёняй, п. № 21, 4) Линкайчяй случайн., 5) Яунейкяй, п. № 111.
36. Втулчатые наконечники копий с ромбовидным пером. 1) Яунейкяй, п. № 390, 2) Яунейкяй, п. № 135, 3) Диржяй, п. № 3.
37. Втулчатые наконечники копий с профилированным пером. Яунейкяй: 1) п. № 413, 2) п. № 415, 3) п. № 13, 4) п. № 443.
38. Втулчатые ленточные наконечники копий. 1) Стунгяй, п. № 16, 2) Стунгяй, п. № 19, 3) Шукёняй, п. № 91, 4) Яунейкяй, п. № 50.
39. Черешковые наконечники копий. 1) Стунгяй, случайн., 2) Яунейкяй, п. № 31, 3) Стунгяй, п. № 23, 4–5) Линкува, п. № 2.
40. Орнаменты пластинок головных венков. 1) Вежлаукис, случайн., 2) Яунейкяй, п. № 384, 3) Яунейкяй, п. № 408, 4–5) Яунейкяй, п. № 427.
41. Головной венок из прямоугольных пластинок. Яунейкяй, п. № 349.
42. Головной венок из спиралей и железных ленточек. Павирвите, п. № 135.
43. Головной венок из спиралей. Павирвите, п. № 137.
44. Спиральный венок. Павирвите, п. № 135.
45. Реконструкция головной ленты (на основе п. № 119 в Шукёняй).
46. Шейная гривна с крючком и петелькой. 1) Яунейкяй, п. № 113, 2) Валдамай, п. № 7, 3) Памишкяй, п. № 54, 4) Стунгяй, п. № 19.
47. Шейные гривны с заходящими утолщенными концами. 1) Яунейкяй, п. № 4, 2) Яунейкяй, п. № 444, 3) Линксмучяй, п. № 70.
48. Шейные гривны с костылевидными концами. 1) Линкува, случайн., 2) Павирвите, п. № 23, 3) Шейная гривна с перехватами. Яунейкяй, п. № 422.
49. Шейные гривны с седловидными концами. Яунейкяй 1) п. № 28, 2) п. № 124.
50. Шейные гривны с заходящими четырехугольными концами. 1) Яунекяй, п. № 58, 2) Памишкяй, п. № 26.
51. Шейные гривны с коническими концами. Яунейкяй: 1) п. № 58, 2) п. № 107.
52. Шейная гривна с петлеобразными концами и состовная. Павирвите: 1–2) п. № 137, 3) п. № 143.
53. Бусы из синего стекла. Павирвите, п. № 138.
54. Арбалетовидная фибула с согнутой и длинной ножкой. Яунейкяй: 1–4) случайн., 5) № 393.
55. Арбалетовидные совообразные, со звериными головками и тесловидной ножкой. 1) Яунейкяй, п. № 443, 2) Яунейкяй, п. № 422, 3) Яунейкяй, п. № 466, 4) Яунейкяй, п. № 381, 5) Яунейкяй, п. № 390, 6) Памишкяй, п. № 27, 7) Яунейкяй, п. № 455.
56. Арбалетовидные перекладчатые фибулы. 1) Яунейкяй, п. № 409, 2) Яунекяй, п. № 410, 3) Яунейкяй, случайн., 4) Павирвите, п. № 135, 5) Яунейкяй случайн.
57. Арбалетовидные фибулы с головками в виде маковых коробочек. 1) Яунейкяй, п. № 43, 2) Шукёняй, п. № 126, 3) Памишкяй, п. № 17, 4) Линксмучяй, п. № 4.
58. Подковообразные фибулы. 1) Яунейкяй, п. № 57, 2) Яунейкяй, случайн. 3–4) Шукёняй, п. № 130, 5) Шукёняй, п. № 133, 6) Павирвите, п. № 125, 7–9) Павирвите, п. № 136, 10) Памишкяй, п. № 23, 11) Яунейкяй, п. № 182, 12–13) Павирвите, п. № 140.
59. Подковообразные и пластинчатые фибулы. 1) Павирвите, п. № 146, 2) Павирвите, п. № 135,

- 3) Павирвите, п. № 136, 4) Павирвите, п. № 155, 5) Павирвите, п. № 136, 6) Павирвите, п. № 135, 7) Павирвите, п. № 134, 8) Яунейкяй, п. № 351, 9) Яунейкяй случайн., 10) Линкува, п. № 3.
60. Посоховидные булавки. 1) Линксмучяй, п. № 91, 2) Яунейкяй, п. № 415, 3) Яунейкяй, п. № 186.
61. Булавки с расширяющимися трубковидными головками. Яунейкяй 1) случайн., 2) п. № 447, 3) п. № 426, 4) случайн., 5) случайн., 6) п. № 102.
62. Булавки с треугольными головками. 1–2) Яунейкяй, п. № 4, 3) Стунгяй, п. № 24, 4) Памишкяй, п. № 13, 5) Яунейкяй, п. № 375, 6) Яунейкяй, п. № 412, 7–8) Яунейкяй, п. № 349, 9) Линксмучяй, п. № 40.
63. Колчевидные булавки. 1) Линксмучяй, п. № 56, 2–3) Яунейкяй, п. № 40, 4–5) Шукеняй, п. № 125.
64. Крестовидные булавки. 1) Линксмучяй, п. № 91, 2–3) Павирвите, п. № 144, 4–5) Яунейкяй, п. № 464.
65. Крестовидные булавки. 1) Стунгяй случайн., 2) Шукеняй, п. № 105, 3–4) Яунейкяй, п. № 88, 5) Яунейкяй, п. № 408, 7–8) Яунейкяй, случайн.
66. Крестовидные булавки. 1–2) Линксмучяй, п. № 6, 3) Стунгяй, п. № 25, 4–5) Шукеняй, п. № 118.
67. Крестовидные и розетковидные булавки. 1–2) Линкува, случайн., 3) Павирвите, п. № 138.
68. Лентообразные и с утолщенными концами браслеты. Яунейкяй 1) п. № 42, 2) п. № 21, 3) п. № 4, 4) случайн., 5) п. № 422, 6) п. № 351.
69. Браслеты с выступающим треугольным ребром и манжетобразные. Яунейкяй. 1) п. № 392, 2–3) п. № 414, 4) п. № 464, 5–6) п. № 412.
70. Спиральные браслеты. 1–2) Яунейкяй, п. № 124, 3) Памишкяй, п. № 4, 4) Мельдиняй случайн., 5) Яунейкяй, п. № 31, 6) Памишкяй, п. № 17, 7) Памишкяй, п. № 27 b.
71. Браслеты «война» и массивный. 1) Яунейкяй, п. № 113, 2) Шукеняй, п. № 42, 3) Шукеняй, п. № 53, 4) Памишкяй, п. № 51, 5) Яунейкяй случайн., 6) Павирвите, п. № 135.
72. Браслеты с головками зверей и животных на концах. Павирвите 1–2, 4) п. № 136, 3) п. № 146.
73. Перстни. 1) Памишкяй, п. № 26, 2–3) Яунейкяй, п. № 2, 4–5) Шукеняй, п. № 121, 6–7) павирвите, п. № 135.
74. Удила. 1) Шукеняй, п. № 73, 2) Шукеняй, п. № 54, 3) Яунейкяй, п. № 344.
75. Шпоры и пряжки. 1–3) Яунейкяй, п. № 398, 4–5) Шукеняй, п. № 111, 6) Валдамай случайн., 7) Шукеняй, п. № 54, 8) Шукеняй случайн., 9) Шукеняй, п. № 91, 10) Линкува, п. № 5.
76. Оправа от питьевых рогов и пинцеты. 1) Шукеняй, п. № 129, 2) Яунейкяй, п. № 391, 3) Стунгяй, п. № 16, 4) Яунейкяй, случайн., 5) Яунейкяй, п. № 78, 6) Яунейкяй, п. № 391.
77. Пояса и их фрагменты. 1) Шукеняй, п. № 69, 2) Павирвите случайн., 3) Павирвите, п. № 133, 4–5) Павирвите случайн., 6) Яунейкяй, п. № 53, 7) Мельдиняй случайн., 8) Яунейкяй, п. № 398, 9) Шукеняй, п. № 46.
78. Весы и ящичек для весов. 1) Павирвите случайн., 2) Линкува, случайн.
79. Бронзовые полоски. 1) Диржяй, п. № 54, 2) Шукеняй, п. № 134, 3) Якштайчяй-Мешкяй, п. № 39.

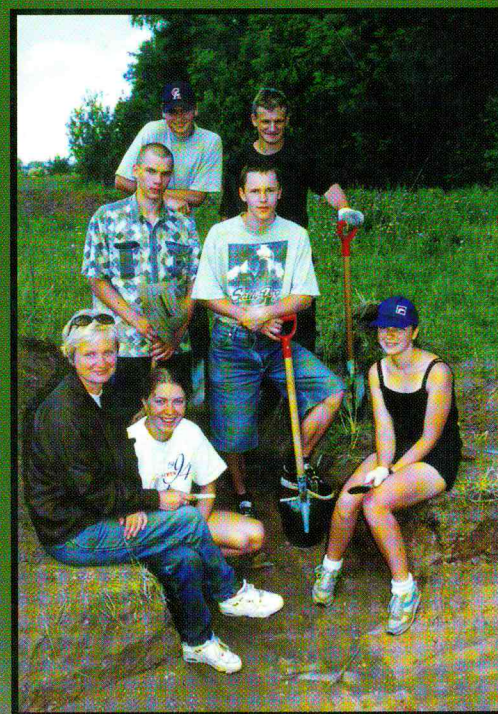
Перевод: Марина Романенкова

TRUMPINIAI

AE	– Arheologija un etnografija		izrakumiem un etnografiskajai ekspedīcijai Latvijas PSR teritorijā.
AETL	– Archeologiniai ir etnografiniai tyrinėjimai Lietuvoje	ZA	– Zinatniskas ataskaites sesijas materialai par archeologu, antropologu un etnografu ... gada petijumu rezultatiem.
ATL	– Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje		
LA	– Latvijas PSR arheologija		
RT	– Referātu tēzes zinātniskai sesijai, veltītai ... arheoloģiskiem	LAB LNM	– Lietuvos archeologijos bruožai. Lietuvos nacionalinis muziejus.

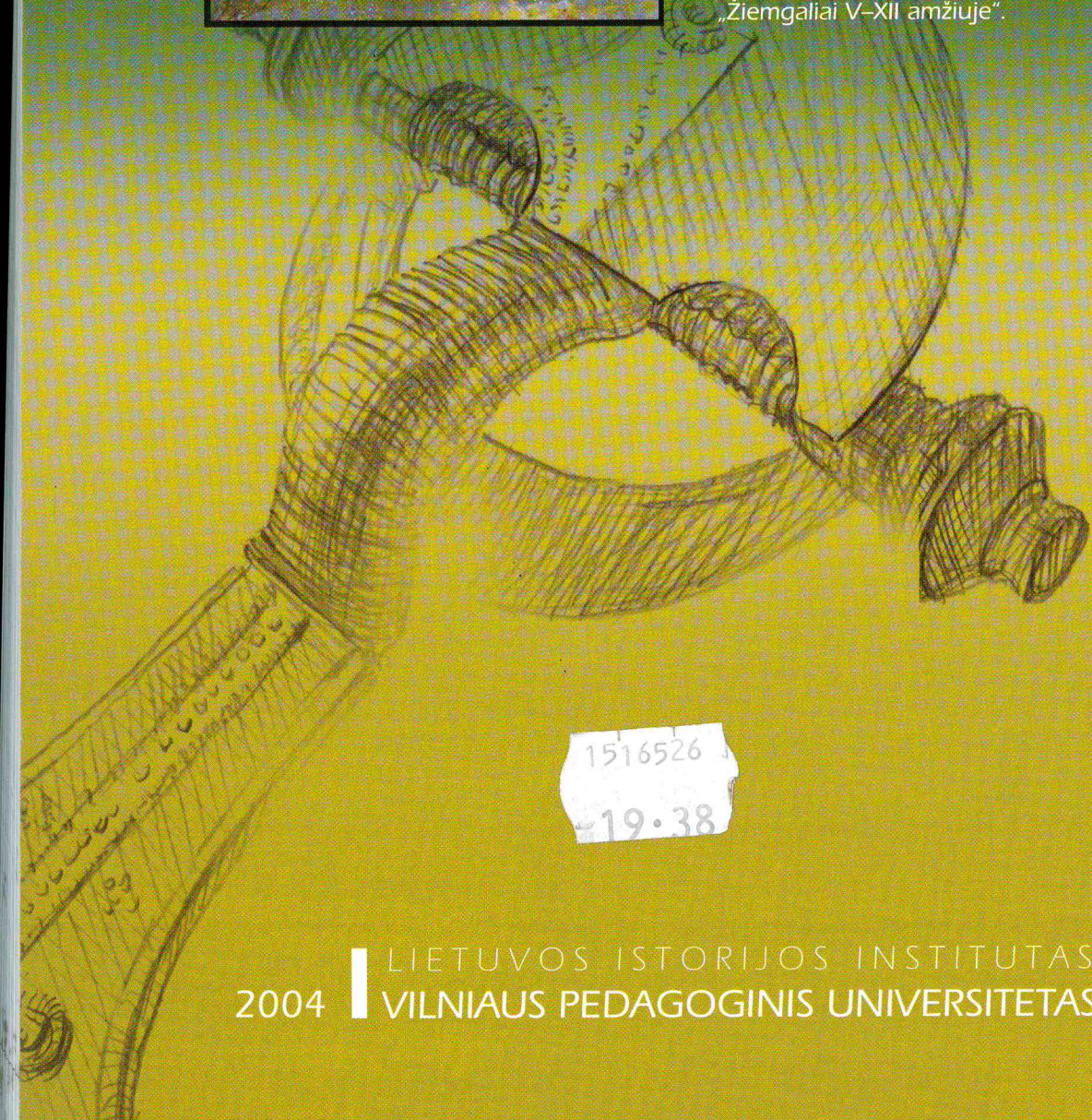
Ilona Vaškevičiūtė
ŽIEMGALIAI V–XII AMŽIUJE

Tir. 500 egz. 19 sp. l. Užsak. Nr. 04-029
Maketavo ir spausdino VPU leidykla, T. Ševčenkos g. 31, LT-03111, Vilnius
Kaina sutartinė

Ilona VAŠKEVIČIŪTĖ.

Archeologė, istorijos daktarė, docentė. Dirba Lietuvos istorijos instituto Archeologijos skyriuje ir Vilniaus pedagoginio universiteto Baltų proto istorijos katedroje. Tyrinėja geležies amžiaus žiemgalių kultūrą, jos dvasinį ir materialųjį paveldą. Žiemgalių areale tyrinėjo IV–XVII amžių laidojimo paminklus – Šukionių, Stungių, Linkuvos, Kyburių, Mažeikių, Pavirvytės kapinynus ir Berčiūnų pilkapyną. Šios monografijos esminę dalį sudaro 1993 metais apginta daktaro disertacija. Per praėjusius metus autorė sukaupe naujos medžiagos, kuri savo vietą rado naujajame darbe – „Žiemgaliai V–XII amžiuje“.

1516526
19.38